

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи
УДК

УМАРОВА НАФИСА СУНАТИЛЛА КИЗИ

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
АНТРОПОНИМОВ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ (на материале
английского, русского и узбекского языков)**

5A120102 - Лингвистика (английский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра

Работа рассмотрена
и допускается к защите
зав. кафедрой
к.ф.н. доц. Галиева М.Р.
« _____ » _____ 2016

Научный руководитель
д.ф.н., проф. Кулмаматов Д. С

Ташкент – 2016

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН
УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

Факультет: III английского языка

Студент магистратуры: Зупарова С.С.

Кафедра: Лингвистика и английская литература Научный руководитель: Кулмаматов Д.С

Учебный год: 2015-2016

Специальность 5A120102

АННОТАЦИЯ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность работы данного исследования обусловлена значимостью 1) изучение взаимосвязи языка и культуры как родственных, так и неродственных языков; 2) исследование антропонимической системы разносистемных языков во взаимосвязи собственных имен и культуры; 3) изучение антропонимов русского, узбекского и русского языков в лингвокультурном аспекте.

Цели и задачи исследования состоит в комплексном изучении антропонимов английского, русского и узбекского языков в лингвокультурном контексте.

Объект и предмет исследования является антропонимия английского, русского и узбекского языков и её лингвокультурологические характеристики, закреплённые в семантике и в структуре антропонимов английского, русского и узбекского языков.

Методы исследования: описательный метод, сопоставительный метод, сравнительно-исторический метод.

Степень новизны исследования: выявлены узловые моменты проявления национально-культурной специфики антропонимии на материале трёх неродственных языков в лингвокультурологическом аспекте; рассмотрена антропонимия с позиции языковой национальной личности с привлечением лингвистических, социально-культурных и исторических фактов; изучено функционирование антропонимов английского, русского и узбекского языков в художественной литературе, печати и разговорной речи.

Практическая значимость исследования и их внедрение заключается в том, что её результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах лексикологии английского, узбекского и русского языков и сравнительно-типологического языкознания в рамках бакалавриата и магистратуры.

Структура диссертации: Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы.

Основные результаты исследования: разработана методика комплексного сопоставительного метода антропонимии; проведено комплексное исследование языковой семантической характеристики антропонимической лексики анализируемых языков и её статуса; представлено сигналы антропонимов английского, русского и узбекского языков в одноязычных и двуязычных толковых словарях.

Общие выводы и рекомендации: компоненты антропонимических формул трех сопоставляемых языков обладают разной номинативной ценностью в пределах социального поля семьи и административного социального поля, в чем отражаются существенные различия языковых картин мира и структуры социумов трех народов. Данная диссертационная работа может быть продолжена в ракурсе лингвокультурологических и текстологических исследований.

Научный руководитель

Кулмаматов Д.С.

Студент магистратуры

Зупарова С.С.

**MINISTRY OF THE HIGHER AND SECONDARY SPECIAL EDUCATION OF THE
REPUBLIC OF UZBEKISTAN**

UZBEK STATE WORLD LANGUAGES UNIVERSITY

Faculty: III English Language
Department: Linguistics and English Literature
D.S.Kulmamatov
Year: 2015-2016

Master's Student: S.S. Zuparova
Scientific advisor:
Specialty: 5A120102

Topicality of the research is based on: 1) the study of interrelation of language and culture of related and non-related languages; 2) the research of anthroponymic system of multi-structural languages` interrelationship of proper names and culture; 3) the study of anthroponymes of English, Uzbek and Russian languages in linguocultural aspect.

Aim and tasks of research: consists of complex study of anthroponymes of English, Uzbek and Russian languages in linguocultural context.

Subject and object of research: anthroponymes of English, Uzbek and Russian languages and its linguocultural characteristics, set up in semantics and in the structure of anthroponymes in English, Uzbek and Russian languages

Methods of research: descriptive method, contrastive method, comparative-historical method.

The degree of novelty of the research has been determined the linked moments of appearing national-cultural specificity of anthroponymes in the material of three non-related languages in linguocultural aspect; has been worked out anthroponymes in the position of linguistic national personality through attracting linguistic, socio-cultural and historical facts; has been studied functioning of anthroponymes in Belles-lettres style, Publicistic and Literary conversational styles of English, Uzbek and Russian languages.

Practical value and degree of embed: the material of the research can be used in delivering lectures and practical lessons on Lexicology, Contrastive-typological Linguistics for bachelors and masters` degrees.

The results obtained: methodology of complex contrastive method of anthroponyme is worked out; comprehensive research of linguistic semantic characteristics of anthroponyme and its status; signals of anthroponymes of English, Uzbek and Russian languages are shown in monolingual and bilingual dictionaries.

The structure of the dissertation consists of introduction, three chapters, conclusion and the list of used literature.

General summary and recommendations. The components of anthroponymical stereotype of three languages have varied nominative value in the field of polysemy and administrative social polysemy, which reflects existed difference of linguistic world picture and structure of referents` group of three languages. The given dissertation can be continued in the frame of linguocultural and textual researches.

Scientific advisor

D.S. Kulmamatov, PhD, Prof

Master's student

S.S. Zuparova

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	9
1.1. Семантическое значение и структура антропонимов.....	10
1.2. Лингвокультурологические особенности антропонимии....	16
Выводы по первой главе.....	23
ГЛАВА 2. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ И СИГНАЛЫ АНТРОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ, УЗБЕКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	25
2.1. Антропонимические формулы в англоязычной традиции в узбекском и русском языках.....	25
2.2. Социальная роль различных компонентов именованя лиц.....	37
Выводы по второй главе.....	43
ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЯ СЕМЬИ	45
3.1. Способы именованя индивидов в социальном поле семьи английского языка.....	45
3.2. Способы именованя индивидов в социальном поле семьи узбекского и русского языков.....	57
Выводы по третьей главе.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	69

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. За годы независимости в Республике Узбекистан активизировались все направления фундаментальных исследований, в том числе и в области сопоставительной лингвистики, что тесно связано с функционированием узбекского языка в качестве государственного, с его ролью в развитии духовности населения Узбекистана, а также с теоретическим и практическим изучением иностранных языков. Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов отмечает: «В настоящее время у нас в республике придается большое значение изучению и преподаванию иностранных языков. И это, конечно, неспроста. Сегодня для нашей страны, стремящейся занять достойное место в мировом сообществе, трудно переоценить значение совершенного знания иностранных языков нашими людьми, ведь наш народ видит свое будущее в согласии, сотрудничестве с иностранными партнерами» [1, с. 65].

В современной лингвистической науке одним из быстро развивающихся и ведущих направлений является сопоставительная лингвокультурология, основная цель которой – изучение взаимосвязи языка и культуры как родственных, так и неродственных языков.

Необходимо учитывать, что в цепочке *язык и культура* центральное место занимает *человек* («язык – нация (национальная личность) – культура»). Это есть центральная триада сопоставительной лингвокультурологии, тот фокус, в котором концентрируются, сходятся и могут быть решены важнейшие вопросы и проблемы этой отрасли науки. В.В. Воробьев следующим образом характеризует взаимодействие языка и культуры: «Язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры. Будучи сложной знаковой системой, язык может быть средством передачи, хранения, использования и приобретения информации. Культура, как и язык, также является знаковой (семиотической) системой, способной передавать информацию, но,

в отличие от языка, не способной самоорганизовываться, так как культура – это прежде всего память, сложная семиотическая система, ее функция – память, а ее основная черта – накопление и стремление к абсолютной всеобщности» [19, с.12-13].

Особое место в рамках сопоставительной лингвокультурологической проблематики занимает исследование антропонимической системы разносистемных языков во взаимосвязи собственных имен и культуры. Как известно, антропонимы являются наиболее культураносными знаками, что обусловлено их интердисциплинарным характером. Антропонимическая система любого языка является фундаментальным материалом для познания, раскрытия самосознания народа, для понимания психологии и характеров людей, относящихся к определенной национальности или региону. Имя, прежде всего, – хранитель культурной информации народа, которая формируется под воздействием различных, в том числе экстралингвистических, факторов. Более того, оно связано с восприятием мира и определенным образом отражает его познание. В этом плане представляет особый интерес изучение антропонимов русского, узбекского и русского языков в лингвокультурном аспекте.

Актуальность диссертационного исследования с обращением к «языку в действии», в конкретных ситуациях общения за счет подключения разнородных источников фактического материала, от разговорной речи до художественных произведений. Это позволяет рассмотреть широкий спектр проявления номинативной ценности имени, имеющего в трех – английском, узбекском, русском языках как изоморфные, так и алломорфные черты, которые отражают особенности культуры трех народов, складывавшиеся в течение веков. Такой аспект изучения перспективен потому, что социальное поле (СП) включает все элементы ситуации общения: группу референтов (социум), профессиональный характер, место и время акта коммуникации и т.д. Так как вся деятельность человека осуществляется в рамках социальных

полей, бесспорна ценность лингвистических исследований по их сопоставительному изучению.

Степень изученности проблемы. Сопоставительно-типологическое языкознание является традиционным и активно развивающимся направлением лингвистики в Узбекистане и представлено в трудах А.А.Абдуазизова [3, 4, 5], М.А.Абдуразакова [6], Дж.Буранова [17], Ш.Рахматуллаева [60], У.К.Юсупова и мн.др. [79, 80].

Изучению антропонимики посвящено огромное количество лингвистических работ: (см. работы А.В.Суперанской [64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74], В.А.Никонова [46, 47, 48, 49, 50, 51], Н.А.Баскакова [10], В.Г.Бондалетова [15,16], Э.Абдиева [2], Э.А.Бегматова [11, 12], Д.У.Доспанова [26], А.Гафурова [22], Зайцева К.Б. [33], А.И.Исаева [35], Мочалкина К.С. [44], Г.М.Муратовой [45], С.И.Зинина [34], В.И.Болотова [13, 14] и мн. др.

В конце XX–начале XXI вв. наблюдается активизация антропонимических исследований по отношению к английскому, узбекскому, русскому языкам и другим языкам, что отражено в работах А.А.Абдуазизова [4, 5], Г.Р.Галиуллиной [21], М.Дж. Джусупов [28], В.В.Дьяченко [29]; Т.А. Комовой, С.И.Гарагули [40], С.К.Кенжаева [39], В.А.Копытко [41], О.А.Леонович [42], Д.Д.Мирзоевой [43], К.С.Мочалкиной [44], А.А.Пашкевич [54], Р.С.Рахимова [58, 59], Х.Б.Самиговой [62] Т.Ф.Ухиной [75], Г.С.Хазиевой [76] и др. Существительные со значением лица в разных аспектах рассматриваются в работах А.К.Абдурахмановой [7], Ш.Искандаровой [36], М.И.Расуловой [56, 57], А.А.Уфимцевой [74] и др..

Однако в плане взаимодействия антропонимов и их номинативной ценности имени и социальных полей в английском, узбекском и русском языках антропонимика не рассматривалась.

Основная цель работы состоит в комплексном изучении антропонимов английского, русского и узбекского языков в лингвокультурном контексте.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) разработать лингвокультурную модель комплексного описания антропонимического пространства английского, русского и узбекского языков;

2) показать национальную специфику мировидения национальной личности, отраженную в антропонимических единицах рассматриваемых языков;

3) сопоставить антропонимические формулы английского, узбекского и русского языков;

4) выделить ключевые языковые и культурные элементы, которые проникли в антропонимическую систему английского, русского и узбекского языков из других культур;

5) выявить сигналы антропонимов в английском, узбекском и русском языках;

6) исследовать антропонимы в административном социальном поле английского, узбекского и русского языков.

Объектом исследования является антропонимия английского, русского и узбекского языков.

Предметом изучения выступают её лингвокультурологические характеристики, закреплённые в семантике и в структуре антропонимов английского, русского и узбекского языков.

Основным методом исследования является *описательный метод*, который включает в себя такие приемы, как изучение фактического материала, обобщение, интерпретация и классификация.

Для типологической характеристики антропонимической лексики английского, русского и узбекского языков использовался *сопоставительный метод*.

Сравнительно-исторический метод применялся при выявлении изменений структуры и состава антропонимикона, происходящих за

различные периоды времени, при определении генетической принадлежности антропонимической лексики.

Научная новизна заключается в следующем:

1. Выявлены узловые моменты проявления национально-культурной специфики антропонимии английского, русского и узбекского языков в лингвокультурологическом аспекте.

2. Рассмотрена антропонимия английского, русского и узбекского языков с позиции языковой национальной личности с привлечением лингвистических, социально-культурных и исторических фактов.

4. Рассмотрена языковая семантическая характеристика антропонимической лексики анализируемых языков и её статус.

5. Исследовано представление сигналов антропонимов английского, русского и узбекского языков в одноязычных и двуязычных толковых словарях;

6. Изучено функционирование антропонимов английского, русского и узбекского языков в художественной литературе, печати и разговорной речи.

Материалом исследования послужили:

Художественные прозаические произведения английских, узбекских и русских авторов XX-XXI веков, таких как J. Galsworthy, C. Hare, A.J.Cronin, S.W.Maugham, R.L. Stevenson, Andrea Levy, Carol Shields; Ш.Бошбеков, О. Ёкубов, А.Мухтор, Саид Ахмад, Ў.Усмонов, Ў. Ҳошимов; А.П.Чехов, Н.С.Лесков, И.Ильф и Е.Петров, В.Маканин и др. а также толковые словари Collins Cobuild. English Dictionary (Cambridge, 1995), Macmillan English dictionary for advanced learners(Oxford, 2006), Charlton Laird. Webster's New World Thesaurus (New York,1971), Klein Shelley. The Concise Dictionary of Surnames (London, 2004), P.H.Reaney and R.M.Wilson Oxford dictionary of English Surnames (Oxford, 2005), Э.А. Бегматов. Ўзбек исмлари маъноси (изоҳли луғат). 14 600 исмлар изоҳи. 2-нашри. (Тошкент, 2007), Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 80000 дан ортиқ сўз ва сўз бирикмаси (Тошкент, 2006-2008), Н. Бекмуродов. Чиройли исмлар тўплами (Тошкент,

2010), И.Р. Гальперин. Большой англо-русский словарь. В 2-х тт (Москва, 1972), С.И. Ожегов. Словарь русского языка: ок. 60000 слов и фразеологических выражений. 25-е изд., испр. и доп (Москва, 2007), Н.А. Петровский. Словарь русских личных имен (Москва, 1995), Словарь русского языка в 4-х томах (Москва, 1985-1988), Узбекско-русский словарь (Ташкент, 1988); а также периодика, электронные СМИ, разговорная речь (в том числе в современной Великобритании). Основной единицей фактического материала, на котором выполнено данное исследование, является синтагматическая единица – словосочетание, предложение, несколько предложений, абзац, т.е. микротекст, необходимый и достаточный для выявления номинативной ценности имени.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах лексикологии английского, узбекского и русского языков и сравнительно-типологического языкознания в рамках бакалавриата и магистратуры.

Результаты исследования могут быть применены в практике перевода, особенно художественных текстов, на практических занятиях, связанных с преодолением интерференции в процессах номинации лиц. Материалы исследования могут быть также применены в общей и учебной лексикографии.

Опубликованность результатов. Основные положения и результаты диссертации отражены в двух публикациях.

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Антропонимы как подкласс личных имен существительных являются специальным предметом изучения языковедов в составе ономастики – науки об именах собственных; антропонимика выделена из ономастики в 60-70-х XX века в отдельное направление.

«Антропонимика (от греч. *anthropos* – человек и *онума* – имя) – раздел ономастики, изучающий антропонимы – собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрывааемые имена). Изучаются также антропонимы лит. произведений, имена героев в фольклоре, в мифах и сказках. Антропонимика разграничивает народные и канонические личные имена, а также различные формы одного имени: литературные и диалектные, официальные и неофициальные. Каждый этнос в каждую эпоху имеет свой антропонимикой – реестр личных имен. Совокупность антропонимов называется антропонимией» [107, с. 323].

Мы придерживаемся более распространенной точки зрения согласно которой антропонимы – наименования лиц – имена собственные.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» подчеркивается: «Антропоним, особенно личное имя, отличается от многих других имен собственных (онимов) характером индивидуализации объекта: каждый объект номинации (человек) имеет имя. Реестр имен ограничен. Имена личные повторяются, что заставляет давать дополнительные именованья. Официальное именованье человека в развитом обществе имеет свою формулу имени: определенный порядок следования антропонимов и имен нарицательных (этнонимов, названий родства, специальности, рода занятий, званий, титулов, чинов и т.п.)» [107, с. 322].

Следует подчеркнуть также, что антропонимы отличаются от других типов имен собственных (топонимов, зоонимов, космонимов и т.д.) ведущей ролью в лингвокультурологии.

1.1. Семантическое значение и структура антропонимов

Одной из важнейших проблем ономастики является изучение механизма номинации и соотнесения в именах собственных таких основополагающих для ономазиологии концептов, как «реалия», «понятие», «имя». История вопроса показывает, что проблема семантики имен собственных обсуждалась уже древнегреческими и древнеримскими философами. Стоики рассматривали имена собственные как совершенно независимый класс слов. Характерную особенность этого класса слов они видели в том, что имена собственные могут выражать как общие свойства, присущие индивиду, так и личные. Школа Платона усматривала непосредственную связь между именем и называемой им вещью, при этом под именами Платон понимал как класс имен **собственных**, так и класс имен **нарицательных**. В известном диалоге «Кратил или о правильности имен» высказывается мысль о появлении и функционировании имен вследствие некоего договора: «Имена – это результат договора, и для договорившихся они выражают заранее известные вещи» [55, с. 482].

Теория, опровергающая учение Платона об именах, зародилась в эпоху Просвещения. Её выразителем стал английский философ Т. Гоббс. Он высказал предположение о произвольности появления имен и об отсутствии какой-либо связи между именем и называемым им предметом, заявив, что «имя есть произвольно выбранное в качестве метки с целью возбуждения в нашем уме мыслей, сходных с нашими мыслями... Я считаю возникновение имен результатом произвола...» [23, с.14].

Последователем данного подхода к именам собственным является и известный английский логик XIX века Дж.С.Милл. Выдвинутые им положения относительно значения слова легли в дальнейшем в основу многих лингвистических теорий. Вслед за Т. Гоббсом, Дж.С. Милл рассматривал имена собственные как результат произвольного выбора. Сравнивая имя собственное и имя нарицательное, он ввел понятия «коннотирующих» и «неконнотирующих» имен. Первый термин употреблялся им для имен, обозначающих только признак или только субъект; второй – для имен, обозначающих субъект и подразумевающих признак. Исследуя природу слова с этой позиции, он пришел к выводу о том, что имена собственные не коннотируют и ничего не значат [97].

Точка зрения на имена как на ярлыки именуемых объектов, не имеющих собственного лексического значения, разделяется многими учеными. Среди них выделяется имя выдающегося лингвиста А. Гардинера, разработавшего теорию имен собственных. Основной целью его теории явилась адаптация концепции Дж.С.Милла о коннотирующих и неконнотирующих именах к общей теории семантики и структурной лингвистики. Рассматривая имена собственные в языке, А. Гардинер выделил среди них три класса. Во-первых, это так называемые «воплощенные имена» (embodied), находящиеся в непосредственной связи с конкретным носителем имени. Им противопоставлены имена «развоплощенные» (disembodied), существующие непосредственно в языке и являющиеся источником изучения в области этимологии, частотности или дистрибуции имен собственных. Наконец, третий подкласс составляют «частично развоплощенные имена», являющиеся в большей степени фактом речи, а не языка. Согласно А. Гардинеру, такие имена являются результатом использования имен собственных во множественном числе (Johns), либо употребления имен собственных в качестве имен нарицательных (Every country has its Babylon) [82].

Неоценимый вклад в развитие общей теории имени собственного внес российский лингвист А.В.Суперанская. Анализируя семантические особенности ономастической лексики, А.В. Суперанская пришла к важному выводу о том, что семантика имен собственных не может быть сведена к значению апеллятива. А.В. Суперанская отмечает: «...поскольку все имена собственные происходят в конечном счете от нарицательных, семантика их вторична и более сложна» [71, с. 91]. Осложненность семантики личных имен, согласно мнению данного автора, происходит в силу наличия в них социокультурной информации. А.В. Суперанская подчеркивает, что «лексическое содержание морфем, из которых образовано имя собственное, не может быть основным при определении его значения...надо учитывать, что имя собственное – явление социальное» [71, с. 264].

В дальнейшем гипотеза о наличии социокультурного компонента в семантической структуре имени собственного нашла свое продолжение в теории Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова о лексическом фоне ономастических единиц [18].

Лексический фон имени собственного, а именно этот термин и используется для обозначения над лингвистических характеристик имен собственных, включает как социокультурный компонент в семантике имени собственного, так и отражает взаимосвязь между языковой единицей и ее функционированием в обществе.

Отмечая роль лексического фона при анализе ономастической лексики, Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров подчеркивают, что «имя собственное... может быть действительно лишено лексического понятия, но его лексический фон оказывается обширным и качественно сложным» [18, с. 170].

Новаторский подход к раскрытию значения имен собственных личных через их лексический фон предложен в труде А.А. Черноборова «Лингвострановедческий анализ английских личных имен» [78]. А.А. Черноборову в результате эксперимента удалось проанализировать

ассоциативные цепочки некоторых английских личных основ и на этом основании вывести понятийный компонент имени личного. В ходе эксперимента автором были выделены ассоциации с определенными экстралингвистическими реалиями, с фразеологическими и свернутыми предикативными единицами, коннотирующими и фонетическими характеристиками имен. Результатом эксперимента явилась разработка ассоциативного словаря английских личных имен.

Таким образом, вопрос о семантической структуре антропонимов в современной науке рассматривается с позиций синтеза лингвистических и экстралингвистических компонентов в его составе.

Изучение *морфонологической структуры* имен собственных вообще и антропонимов в частности, представленных в работах А.В. Суперанской [64], Ю.Н. Хриненко [77], А.А. Живоглядова [32], О.Г. Кавериной [37], 1991 и др., как правило, проводится в рамках единой как для нарицательной, так и для ономастической лексики фонологической и морфонологической системы языка.

В центр морфонологических исследований ставится изучение фонологической структуры морфем различного типа. Морфонологическая теория включает в себя следующие разделы:

- теория фонологической структуры морфем;
- теория комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях;
- теория звуковых чередований, выполняющих морфонологическую функцию.

Основной целью морфонологических исследований является изучение изменений, сопровождающих в первую очередь грамматические процессы [38, с.23]. Однако морфонологические изменения могут проявляться не только в грамматическом, но и в лексическом (при неагглютинативной аффиксации) и стилистическом контексте (синонимия аффиксов).

Морфонологические изменения в составе слова, затрагивающие фонетический состав морфем, как правило, описываются в следующих терминах:

- альтернация (или чередование фонем);
- элизия (опущение фонем) с двумя подтипами: усечение маргинальных фонем и диэрезы срединных фонем;
- аугментация (наращивание фонем) [38, с. 55].

В наиболее систематизированном виде морфологические и фонетические особенности собственных имен были представлены А.В.Суперанской [64, с. 163-171]. По её мнению, ономастическая лексика носит «международный» характер [64, с. 10]. Изучая изменения в структуре имен собственных в иноязычном контексте, автор выявила ряд основополагающих принципов. Во-первых, была выявлена зависимость морфологических и фонетических процессов от частотности употребляемости имен. Во-вторых, было определено, что степень изменяемости иноязычных имен «зависит как от традиций языка-преемника, так и от степени родства взаимодействующих языков» [64, с. 37]. В-третьих, отмечалось, что морфологические изменения в антропонимах зависят от типологической языковой структуры, а именно – взаимодействия синтетических и аналитических типов языков. При этом как наиболее сложные представлены случаи взаимодействия двух синтетических языков.

Относительно структурных особенностей «международный» характер ономастической лексики означает, что антропонимикона таких групп языков как, например, романская, германская и славянская в качестве этимона-аппеллятива имеют значительное количество идентичных имен, фонетически и фонологически адаптированных к нормам определенной языковой группы.

Основа имени отражает его внутреннюю форму, на основании чего можно говорить об аналогичных именах в родственных или контактирующих языках. Форманты имени, как правило, национально ориентированы и служат маркерами ареала распространения имени. Так, например, греческое

имя *Αικατερίνη*, при сохранении антропоосновы *Екатерина* в русском и *Catherine* в английском, использует различные форманты для образования уменьшительно-ласкательной формы: *-юша, -ечка* в русском и *-ie, -y* в английском.

В ономастикомах индоевропейских языков традиционно выделяется три типа имен: сложные (например, в древнеанглийском *Ēadwēard*), производные, т.е. образованные от сложных путем их сокращения, либо расширения посредством аффиксации (*Edward, Ted, Eddie*), и аппеллятивные, т.е. нарицательные, употребляемые в качестве имени собственного (*Mercy, April*) [64, с. 63].

Однословная ономастическая лексика нередко подвергается сокращениям, что затрагивает ее морфологическую и фонетическую структуру. Выделяют четыре под группы сокращений: контракция или стяжение срединных фонем, усечение срединной части трехосновных имен, опрощение или потеря первоначальной внутренней формы и, наконец, выпадение фонем и их групп [64, с. 123-124]. Последний тип сокращений именно на материале английских антропонимов был рассмотрен А.И Рыбакиным [Рыбакин, 2000]. Автор словаря английских личных имен и словаря английских фамилий выделяет, во-первых, имена полные или исходные (*Catherine, Andrew*). Исходным именам противопоставлены дериваты или сокращенные имена (*Cath, Andy*) [113, с.14-15]. Деривация имени, состоящая в усечении инициальных фонем (*Drew < Andrew*), определяется как аферезис; усечение срединных фонем или дизрезы – синкопа (*Pippa < Philippa*); усечение финальных фонем (*Greg < Gregory*) – апокопа.

Вклад в исследование морфологической и фонетической структуры английских антропонимов внес и Ю.Н. Хриненко [77]. Проведенный им анализ звукобуквенного состава английских неофициальных личных имен позволил выявить наиболее регулярный тип сокращений в английских неофициальных именах. К данному типу, по мнению ученого, относятся

однослоговые краткие имена, что совпадает с тенденциями сокращения имен нарицательных.

Суммируя вышеизложенную информацию, необходимо отметить, что несмотря на исследования как фонетической, так и морфонологической структуры имен собственных, вопросы морфонологии личных имен, и, в частности, английских личных имен в динамике исторического развития, в ономастической науке еще не рассматривались.

1.2. Лингвокультурологические особенности антропонимии

Появление такого направления в языкознании как когнитивная лингвистика [91; 92] предопределило направление лингвистических исследований последней четверти XX века. Доминантным стало изучение языка в его неотъемлемой связи с культурой и мышлением определенного этноса. Изучение триады «язык – нация – культура» становится центром относительно молодой области языкознания – лингвокультурологии. Единицей изучения в лингвокультурологии является лингвокультурема, представляющая собой «диалектное единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [Воробьев, 1996, С.56 Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Автореф. дисс. . д-ра. культурол. наук М., 1996. – 395 с.].

Таким образом, планом выражения лингвокультуремы выступает синтез языкового значения и культурного смысла. Лингвокультурология является наукой, смежной с социолингвистикой, сфера исследований которой включает факты культуры и их влияния на функционирование языкового знака.

Имя собственное личное наполнено социокультурной информацией как, пожалуй, никакой другой лингвистический знак. Ф. Акиннaso в статье «Имена и принципы именования в условиях культурного взаимовлияния» [83] говорит о том, что имена определяют социокультурные реалии, которые

в свою очередь определяются именами. Смена социальных и культурных норм под влиянием других доминирующих культур влечет за собой изменения в практике именования.

Очевидно, что при изучении имен собственных базовым подходом должно стать их исследование в первую очередь как социокультурных знаков, чутко реагирующих, прежде всего на внеязыковые (социальные) изменения и хранящих в себе значительный пласт информации о духе и культуре определенной нации на определенном этапе ее развития.

Основные проблемы при исследовании природы личных имен в свете лингвокультурологии и социолингвистики совпадают с обозначенными выше вопросами о соотношении языка, культуры и мышления. Относительно личных имен данная проблема может быть сформулирована следующим образом: несет ли антропоним в своей языковой оболочке (семантико-звуковой) культурную информацию, каким образом и в какой степени эта информация, заложенная в системе именования, отражает дух и культуру определенного социума.

До недавнего времени антропонимисты, в частности, европейской лингвистической традиции, недооценивали значимость социокультурного компонента личного имени, в основном делая акцент на изучение чисто лингвистических особенностей личных имен. Например, это проявилось в том, что при исследовании семантики антропонимов практически исключалось наличие в личных именах понятийного компонента, именам был присвоен статус ярлыков, насыщенных конкретным содержанием в речи и лишенных содержания в языке.

Данный подход к пониманию имени, на наш взгляд, является следствием понимания функции имени в европейской культуре вообще, где имя выполняет роль идентификатора и дифференциатора индивидуумов. Однако наработки по изучению системы именования как в языческих культурах, предшествующих христианской, так и в современных примитивных племенах, демонстрируют, что акт именования есть один из

сокровеннейших в становлении личности человека и раскрытии его предназначения.

Так, например, Ф.Акинассо [Akinasso F.N., 1991, С.39-63], изучая системы и принципы именованя племен юго-восточной Нигерии и индейцев северной Америки, пришел к выводу, что система именованя есть система символов: “In general...in the two societies personal names serve as a symbolic repository of retrievable information...Personal names serve as a reminder of dominant social values, important personal concerns and memorable events...” [Akinasso, 1991, С.57]

Интересно также и наблюдение Ф. Акинассо о том, что в упомянутых культурах личные имена не используются для обращения, для этого есть прозвища. Личные имена прежде всего выступают как сакральные знаки различия при идентификации индивидов Создателем.

Расширение границ познания и интегративный подход к проблемам антропонимии в значительной степени повлияли на общие тенденции изучения антропонимии в современной лингвистике. А.В. Суперанская в своем фундаментальном исследовании по ономастике «Теория и практика ономастических исследований» еще в 1986 году справедливо заметила, что «имена создаются в языке и в этом их духовная культура» [68, с. 117]. Позже, в 1990 году, в работе «Имя через века и страны» А.В. Суперанская затрагивает вопрос о влиянии имени на судьбу человека [69]. Она отмечает тот факт, что действительно прослеживается некоторая зависимость между именем и его носителем, но такая зависимость более типична для древних народов и целью данной традиции являлось «приобщение его (*ребенка*) к культуре той социальной группы, в которой он родился, ...осуществление связи поколений, ...важное воспитательное начало...» [69, с. 17].

В последнее время также возрос интерес к изучению систем именованя в языческих культурах. Это направление разрабатывается такими антропонимистами, как Егорова Т.П., занимающаяся исследованием англо-скандинавских ономастических параллелей, Топорова Т.В., изучающая

древнегерманские двучленные имена собственные. Т.П. Егорова, рассматривая зависимость именования от культурного развития нации, тонко подмечает, что «...смена моделей и принципов именования людей и различных объектов, также семиотические операции их переименования находятся в непосредственной зависимости от общекультурного развития..., которое представляет собой упорядочение действительности благодаря волеизъявлению говорящего, его словам-образам, налагающим известную схему понимания реальности...» [31, с. 6]. Мы полностью согласны с этим заявлением, так как, на наш взгляд, в нем заложены глубокие философско-антропологические корни и в полной мере отражается глубинный характер именования. Понимание процессов именования именно в плане насыщенности антропонимов семантико-культурной информацией объясняет, почему системы именования, сложившиеся на определенном этапе развития нации, раскрывают ее менталитет и мировидение.

Косвенно наличие семантико-культурного компонента имен собственных личных было отмечено и ведущим отечественным специалистом в области лингвострановедения Г.Д.Томахиным, который подчеркнул семантическую и социокультурную ценность личных имен следующим образом: «Когда не сохранилось никаких свидетельств о культуре и мышлении народа, имена собственные также позволяют реконструировать эти аспекты человеческой жизни...» [72, с. 15].

Обозначенные выше общие тенденции в изучении имен собственных как социокультурных знаков нашли свое конкретное выражение в частных исследованиях по английской антропонимике, касающихся:

- а) функционирования антропонимических единиц;
- б) эволюции развития антропонимикона и социальных факторов, влияющих на этот процесс;
- в) изучения психологических основ процесса именования.

Рассмотрение любых лингвистических знаков, а имен собственных в особенности, не должно рассматриваться в изоляции от

их функционирования в обществе и культуре. Игнорирование экстралингвистических доминант в формировании значения имен собственных ведет лишь к частичному раскрытию вопроса о значении имен собственных.

Выделение функциональной лингвистики в отдельную ветвь структурной лингвистики в 1929 году, а также появление во второй половине XX века когнитивной лингвистики, исследующей формы, содержание и функционирование языкового знака в тесной взаимосвязи с процессами мышления и развития таких междисциплинарных областей языкознания, как социолингвистика, психолингвистика, предопределило и новые подходы к изучению антропонимов. Все чаще в работах по ономастике в целом и по антропонимике в частности отмечается роль социальных контекстов, условий функционирования, психологических основ именования.

В рамках функциональной лингвистики функционирование личных имен рассматривается как с лингвистических, так и с экстралингвистических позиций. Имя собственное, как член классификационной системы номинации, выполняет в качестве основной номинативную или назывную функцию. Данная функция реализуется в двух аспектах: дистинктивном (индивидуализирующем), выделяющем индивидов из коллектива, и интеграционном (классифицирующем), объединяющем носителей конкретного имени собственного личного в определенные классы [73, с. 6]. Данная функция разделяется почти всеми учеными-антропонимистами. Однако существуют дополнения и детализация этой функции.

А.В.Суперанская выделяет следующие функции антропонимов: коммуникативную, которая проявляется в употреблении личных имен, фамилий, прозвищ в составе обращений и выполняет определенную коммуникативную задачу; апеллятивную, экспрессивную, дейктическую. А.В.Суперанская справедливо подмечает, что перечисленные выше функции разделяются также и именами нарицательными. Характерной в большей степени для имен собственных является аккумулятивная (кумулятивная)

функция, которая хранит страноведческую информацию и социокультурную семантику [71, с. 273-276]. Обобщая характер функционирования антропонимов в языке и речи, А.В. Суперанская подчеркивает, что имя собственное не имеет собственно грамматической и собственной лексической функций. Основной функцией антропонимов является легализация человека в обществе [71, с. 276].

Вопрос, связанный с изучением *эволюции развития* антропонимикона, затрагивает проблему стихийности и системности в его формировании, а также вопрос о внутренних и внешних факторах влияния. Как отмечает А.В. Суперанская, «ономастикон любого народа складывается стихийно, в том смысле, что этим процессом никто не управляет» [68, с. 142]. На наш взгляд, данное утверждение правомерно лишь частично и в основном соотносится с начальными ступенями формирования именника, в условиях приближенности имен к прозвищам и кличкам. Но даже на ранних ступенях формирования системы антропонимов проявляется желание именуемого упорядочить имена. В именовании древнеанглийского периода это проявилось, например, в тенденции к аллитерации и варьированию именных основ с целью указания через имя на принадлежность носителя к определенному роду, семье. В данном случае основной причиной систематизации имен является социально-культурный фон и национально-психологические особенности этноса. Развитие юридических и законодательных основ, закрепление власти за конкретными общественными и государственными институтами ведет к дальнейшему регламентированию и систематизации имен извне и представляет собой внешний фактор, влияющий на формирование антропонимикона. Вытеснение языческих имен христианскими при смене религий и верований является ярким примером влияния внешних факторов, в данном случае церкви как государственного института на формирование антропонимикона. Важность правовой стороны именованья подчеркивает Э. Раянди, отмечая, что «право имени в административной юриспруденции – это законы, определяющие и

регулирующие права и обязанности, связанные с именем в отношениях между человеком и обществом... Люди уходят, а имена остаются за ними и после смерти в полном признании их принадлежности и целостности. Всякое искажение имени является нарушением права имени...» [61, с. 69].

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Одной из основополагающих проблем в ономастике является вопрос о семантических особенностях имен собственных. История вопроса показывает, что взгляды на эту проблему видоизменялись с развитием лингвистической науки. Философы языка Т. Гоббс и Дж. Милл, а также структуралисты (Ф. де Соссюр) отрицали наличие семантики в именах собственных. Основным обоснованием данного заявления служило указание на произвольность между означающим и означаемым. Однако учет социокультурного контекста функционирования личных имен позволил ономастам заговорить о лексическом фоне антропонима, рассматриваемого ими как составляющее понятийное ядро имени собственного личного. Исследования лексического фона антропонимов показывают, что среди структурных элементов в нем выделяются: языковая информация, передаваемая через этимологию, словообразование, ассоциативно-семантические связи имен, а также энциклопедическая информация, хранящая в себе весь спектр социально-культурных и индивидуальных импликаций конкретных имен.

Анализ структурных особенностей имен собственных предполагает изучение их морфологических и фонологических особенностей, общетеоретические аспекты которых были разработаны А.В. Суперанской. Было выявлено, что морфологические и фонологические процессы едины как для имен собственных, так и для имен нарицательных. Однако ономастическая лексика имеет ряд структурных особенностей, обусловленных интернациональным характером ее использования. Изучение морфологии и фонологии английских антропонимов представлены отдельными работами: А.И. Рыбакин, Ю.Н. Хриненко, А.А. Живоглядов, О.Г. Каверина и некоторые другие.

2. Стремительное развитие во второй половине XX века таких междисциплинарных дисциплин, как социолингвистика, лингвокультурология, во многом предопределили использование интегрированного подхода при изучении антропонимических единиц. Многие ученые в области ономастики и лингвострановедения (А.В. Суперанская, Т.П. Егорова, Г.Д. Томахин) обращают внимание на социокультурную и страноведческую значимость личных имен, подчеркивая, что имя и именование находятся в непосредственной зависимости от общекультурного развития нация. Исследование антропонимов с позиций социолингвистики, лингвокультурологии приводит к выявлению таких внешних факторов формирования антропонимикона, как юридический, идеологический (смена религиозных и государственных формаций), культурные контакты. Выделение связи между содержанием или назначением и внутренней структурой языкового знака в функциональной лингвистике и использование наработок по теоретическим основам ономастики привело к изучению функционирования антропонимов как в языковой, так и во внеязыковой действительности. Результатом подобных исследований явился перечень функций, осуществляемых антропонимами в языке и речи. К основным функциям антропонимов относят номинативную функцию, индивидуально-классифицирующую, легализирующую, коммуникативную, экспрессивную, кумулятивную, креативную.

ГЛАВА II. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ В АНГЛИЙСКОМ, УЗБЕКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Антропонимические формулы в англоязычной традиции, в узбекском и русском языках

Под антропонимической формулой имеется в виду стандартное сочетание имени (имен) + (отчество – необязательный в большинстве языков элемент) + фамилия (фамилии) в официальной (паспортной) системе именования лиц. Наряду с составным термином «антропонимическая формула» (АФ) в литературе по антропонимике употребляется термин «антропонимическая модель».

Так, исследователи древнегерманского ономастикона отмечают, что компоненты древнегерманских личных имен коннотируют систему, существенно отличную от тех, которые представлены в ономастиконах славянских языков. Традиционные древнегерманские имена представляют собой варьирование компонентов, связанных с понятиями, обозначающими войну, силу, победу, власть, богатство, но не святость, милость, радость, частотные у славян.

Наблюдение за лексическим составом компонентов древнегерманских ономастиконов показало, что уже в эпоху германской общности эти компоненты превратились в знаки, олицетворяющие представление древних германцев о прекрасном, например:

берт – *berht* «яркий»: *Берт*, *Бертольд*, *Альберт*, *Ламберт*;

эд «имение, богатство»: *Эдгар*, *Эдит*, *Эдвард*, *Эдвин*;

гер – *ger* «копьё»: *Герхард*, *Гертруда*, *Ансгар*, *Оскар*, *Геральд* [106, с. 22-23].

Выделялась также как называемая зооформная группа имен, например, др.-англ. *Hengeast* «жеребец», *Eofor* «кабан»; др.-сканд. *Hari* «заяц», *Arne* «орел», *Vjörn* «медведь».

«Своеобразным мотивом именованья было сохранение части имени ближайшего родственника при использовании варьирования его имени, аллитерации и т.д., например, «племянник короля Нортумбрии (VII в.) Эдвина по имени *Харрик* и его жена по имени *Брегвиг* дали своей дочери имя *Харвиг*» [106, с. 24]. При этом важным является указание на то, что современные интерпретации древних ономастиконов ведут к приданию старым понятиям нового смысла.

Становление фамилий в странах Европы, имеет и общие, и специфические черты, характерные только для одной страны или ряда стран со схожей культурой и родственными языками. «Становление фамилии как особой антропонимической категории рассматривают обычно в рамках отдельной страны, а не как единый процесс... Формирование фамилий протекало длительно, но все же в определенном и ограниченном отрезке времени. Очаг возникновения фамилии предполагают в Северной Италии XI в. (по ненадежным сведениям, еще с VIII в.)... Очень медленно протекало становление фамилий в России и завершилось очень поздно» [48, с. 179-181].

Фамилия отличается от других видов именованья лица тем, что является наследственной, характерной для ряда поколений. Исследователи называют разные причины формирования фамилий: собственно экономические, развитие городов, торговые связи, миграция населения; становление гражданственности и развитие правового общества. Не отрицая всех этих причин, В.А.Никонов справедливо, на наш взгляд, ставит на первое место усиление социального поля семьи: «Фамилия обозначала семью. База фамилии – семья. Решающая причина внедрения фамилии, по-видимому, изменение роли семьи на определенном уровне его развития ... Семья при феодальном строе, а пережиточно и позже – производственная единица, она вела свое хозяйство, обладала наследственными правами, управлялась строгой внутренней властью» [48, с. 184]. Он подчеркивает социальность фамилии (на определенном этапе феодальная верхушка в ряде стран

противилась введению фамилий у низших сословий, и тогда фамилии вводились законодательными актами), постепенное становление и распространение фамилий разграничивает стихийное проникновение фамилий в документы и государственное установление обязательности фамилий.

Итак, в англоязычной традиции сложилась следующая АФ: одно или несколько личных имен + фамилия. Употребление любого компонента формулы именованья людей связано с социальным полем, в котором происходит общение.

Личные имена узбеков отличаются своеобразием и среди других тюркоязычных народов, и среди народов исламской религии и культуры. «Формирование узбекского народа шло на протяжении XI-XIV вв. путем ассимиляции с местным ираноязычным населением тюркских племен, нашествия которых на территорию, населенную предками узбеков, прокатились несколькими волнами, а также монголов. Узбекский язык принадлежит к карлукской группе тюркской языковой семьи, но в нем сохранены иранские черты, общие с таджикскими, что нашло отражение и в составе личных имен, и в их фонетике» [47, с.12].

Одним из проблемных вопросов является вопрос о доле собственно тюркских имен в узбекском именнике.

А.Гафуров отмечает, что именник любого народа постоянно обновляется. Одни имена исчезают из обихода или становятся малоупотребительными, другие вдруг приобретают большую популярность, появляются совершенно новые имена. Причем новые имена проходят довольно сложный путь от титула или прозвища до имени, которое дают новорожденному. В этом смысле именники восточных народов складываются в значительной степени под влиянием мусульманства и, следовательно, арабского языка и имеют богатую историю [22, с. 81].

Арабская система именованья, в первые века ислама общая для всех народов, принявших ислам, все время усложнялась. Доисламские арабы

практически довольствовались одним личным именем. В случае, если необходимо было точнее определить личность, пользовались патронимическим именем, например, человека называли *Усман ибн Аффан*, что означало «Усман сын Аффана». Но иногда могли назвать того же человека *Ибнаффан*, и всем было ясно, о ком идет речь, потому что имена типа *Аффан* были довольно редки. Первая категория имени (*Усман*) у арабов называлась «алам», вторая (*Ибнаффан*) – «насаб». Была еще и третья разновидность имен, объединенная термином «кунья» [22, с. 12; 92, с. 43-48]. *Алам* иначе называется «*исмалам*», «*исмуаламин*» («личное имя»). *Кунья* – чрезвычайно оригинальный элемент АФ: «Кунья – (а) текноним, производный от алам, в состав которого входят элементы *абу* «отец» или *умм* «мать», обозначающий имя по сыну; к примеру, халиф *Али*, помимо своих многочисленных имен носил еще имена своих сыновей: *Абу-л-Хасан* и *Абу-л-Хусейн*... (б) особого рода прозвище, употребляемое метафорически и обозначающее личные качества его носителя» [63, с. 44]. Такая система именования не сохранились у узбеков, но есть сходное явление: в некоторых областях до сих пор мужчину и женщину именуют по имени сына или дочери, причем это воспринимается как исключительно почетный мотив именования. Во многих узбекских семьях не принято обращение жены к мужу по имени, вместо этого используется имя сына или дочери или обращение *дадаси*, *бегим*, *хўжайин*.

Например, *Мансур* сизни бир киши чақиряпти (РР).

У арабов существует и такой элемент именования, который называется *лақаб* – «добавочное имя, прозвище, кличка, почетный титул, возвеличивающий эпитет. Это тип имен наиболее сложный в арабской антропонимии, как по форме, так и семантическому составу... Имена типа *лақаб* всегда несут определенную семантическую нагрузку, нередко метонимического и метафорического характера. Эти имена тесно связаны с реалиями средневековой жизни и идеями арабо-мусульманской культуры. Часто перевод имени типа *лақаб* требует детального знания культурно-

исторического фона» [63, с. 45].

В своеобразнейшей системе антропониимии арабов лакаб сочетал свойства прозвища и псевдонима. Статус имени как алама, насаба, куньи или лакаба сейчас в антропониимии узбеков не используется, но фактически любой из этих элементов может по традиции по семантике (мотиву именованья) быть использован как личное имя. В частности, в роли имен широко используются титулы (Мирзо, Сайд, Бек, Саййид, Султон, Ходжа (Хыжа), псевдонимы поэтов и писателей, объединяемые термином *тахаллус* (или *махлас*). Имена типа тахаллус могут иметь какую-либо связь с личными качествами носителя, с характером и стилем его произведений, с именами меценатов, с названием места проживания и т.д. [63, с. 45].

Исследователи арабских именников отмечают, что «женские имена в основной массе намного проще мужских по числу элементов. ...Только особо знатные и известные в истории женщины имели прозвища и титулы.

Самые распространенные женские имена – это те, которые носили жены и дочери пророка *Мухаммада* (*Хадича, Хинд, Фатима* и др.). Теофорные имена образуются с элементами *Амат* (*Амат Аллах, Амат ал-Вахид*). С именами иногда употреблялись прозвища» [63, с. 46].

У арабов выделялся также такой элемент именованья, как *нисба* – имя, обозначавшее этническую, религиозную, политическую, социальную принадлежность человека.

Система имен арабов была четко ориентирована на социальную функцию: имена арабов совпадали с названиями неодушевленных предметов, мужские и женские имена не совпадали, далеко не каждый араб мог получить звучное религиозное или династическое имя т.д. Все эти различия утрачены в именниках узбеков, кроме различий мужских и женских имен, никаких социальных запретов на имена любого типа нет.

Через арабский язык в узбекский вошли и стали частотными многие доисламские имена: *Адхам* "черный, вороной", *Азиз* "могущественный", "дорогой, милый", *Амин* "верный, честный; хранитель", *Пулат* (от *булат* –

"сталь"), *Джамал* "красота, привлекательность", *Зайнаб* "полная", *Исмат* "защита, покровительство", *Малик(а)* "царь, правитель", *Мурад* "желанный", *Ҳайдар* "лев", *Маҳбуб* "любимый", и др.

В АФ узбеков такие имена вошли не только через личное имя, но и через фамилии (*Азизов, Пулатов, Джамалов, Исматов, Мурадов, Ҳайдаров* и т.д.), как и все остальные части арабского именника. Закономерно, что эти же элементы используются в отчествах.

В.А.Никонов выделил целый ряд семантических типов имен арабов: описательные (дескриптивные), имена по степеням родства, по индивидуальным особенностям, по обстоятельствам рождения – времени или месту, «имена случая»: *Шабак* "сеть", *Катран* "смола", по родителям (насаб), по чувствам родителей, имена-пожелания (дезидеративы), обманные (защитные) имена, имена в честь знаменитых личностей, имена-посвящения, тотемные имена» [49, с. 48].

Все эти мотивы наименования существуют и в именнике современных узбеков, что не обязательно означает заимствование имен или мотивов, а может быть результатом совпадения принципов именования не только восточных, но и других народов.

Вызывает сомнение тотемный мотив именования, так как он слился с именами-пожеланиями (основные «персонажи» животного мира у арабов и узбеков: *волк, тигр, лев*, причем у арабов это может быть несколько имен – лев – *Асад, Шер* и др.).

Важнейший слой именника узбеков, связанный с мусульманской религией и арабским языком – это имена религиозного характера, прежде всего имя пророка – *Мухаммад (Аҳмад, Маҳмуд, Ҳамид)*. «Во всех этих именах внимательный взгляд может заметить повторение одних и тех же звуков (это особенно четко выступает в арабском начертании), а именно сочетание *хмд* ... Слова, производные от этого корня, в арабском языке обозначают понятие "слава, прославление". *Мухаммад, Аҳмад, Маҳмуд и Ҳамид* очень близки по значению и переводятся на русский язык почти

одинаково – «прославленный, славный» [22, с. 104].

Через арабский язык в именной узбекской традиции пришли имена родственников и сподвижников Мухаммада (*Али, Омар, Хамза, Аббас, Айша, Фатима, Хадиджа (Хадича)* и др.), имена библейских пророков и царей (*Якуб, Юсуф, Муса, Ибрахим, Идрис, Исмаил, Сулайман*), имя Иисуса и его матери (*Иса и Марьям*), а также составные имена, прославляющие мусульманскую религию (*Абдулла, Абдунаби, Абдурахим, Абдурахман, Абдулазиз, Абдутаалиб, Сайфутдин* и др.). Этот мотив может совпадать с пожеланием: *Ниматулла* – пожелание милости от Аллаха, *Исматулла* – пожелание защиты Аллаха.

Арабские имена религиозного характера закономерно оставили заметный след в современных отчествах и фамилиях узбеков.

Положительные и религиозные мотивы могут быть совмещены, как, например, в именах *Шерали* и *Алишер*, однако мотив именования при выборе имени *Алишер* не религиозный и не пожелательный: это имя дается в честь Алишера Навои.

Личные имена узбеков отличаются своеобразием и среди других тюркоязычных народов, и среди других народов исламской культуры.

В настоящее время в узбекском языке весьма значительна доля имен тюркского происхождения (*Тўлқин(ой), Озод(а), Уйгурбек, Жалил, Истакбой(ой), Йўлдошбой, Лочин(ой), Оғабек(а), Ўзбекхон, Болта, Бўстон, Абдал, Сайрам(ой), Улугбуви, Улуг, Эран, Корахон, Мерган, Мерганой, Ўткир, Қиржигит, Ўрозбек, Ўрозгул, Қорасулув, Қорақош, Ботир, Жаҳонгир*).

Что касается отчеств русского типа, то, будучи навязанными узбекам, как и другим народам бывшего СССР, к семидесятым годам они казались незыблемым моментом антропонимической формулы узбеков. Однако за годы независимости Узбекистана возникла тенденция либо опускать патроним, либо использовать патроним тюркского типа (например, *Дильбар Назар қизи, Рустам Озод ўгли*).

Фамилии узбеков обязательными стали только с 30-х гг. XX в. «Они

образованы обычно из личного имени отца с присоединением русского форманта *-ов* (после гласных или мягких согласных *-ев*): *Рашидов, Абдуллаев*. У рожденных в 30-х или 40-х годах фамилия часто рождественны с отчеством. В сфере официально-делового общения фамилия теперь получила беспорное преобладание над индивидуальным именем, но в семейно-бытовом общении этот процесс еще далек от завершения даже в городах» [51, с. 315].

Фамилия, безусловно, стала обязательным компонентом официальной антропонимической модели узбеков, однако следует упомянуть о намечающейся тенденции последних десятилетий: отказе от фамилии образующего заимствованного форманта *-ов/-ев* (например, *Севара Назархон, Матлюба Ёзбек, Дилишод Ражаб, Алишер Файз, Дилишод Шамс*). Насколько распространится этот процесс, предсказать сложно, так как тенденции в установке чисто национальной, а не русифицированной антропонимической модели противоречат многие прагматические моменты: сложность в перемене фамилии, ситуации, в которых необходимо сохранить в точности прежнюю фамилию и отчество, однако все же можно констатировать, что современную антропонимическую модель у узбеков нельзя считать полностью устойчивой. В настоящее время распространяется и антропонимическая модель совершенно нового типа, например: *Абдуфайз Бехзод ўгли Файзуллаев*, в которой отчество представлено в тюркской разновидности, а фамилия нередко дается не по отцу, а по имени деда. Видимо, это способствует осознанию единства нескольких поколений семьи.

Наиболее оригинальная часть антропонимической модели узбекского языка – личные имена, поскольку система отчеств и фамилий тюркских народов постсоветского пространства оказалась довольно однотипной (кроме азербайджанских отчеств и татарских фамилий на *-ин*).

Итак, в результате длительного исторического развития и межэтнического взаимодействия у узбеков сложилась следующая официальная антропонимическая модель: *личное имя + отчество + фамилия*.

В отличие от «незыблемой» русской АФ, после 90-х гг. XX в. намечаются некоторые сдвиги во втором и третьем компонентах этой формулы. В реальном функционировании в рамках социальных ролей отчество имеет для узбеков гораздо меньшее значение, чем для русских.

Современная антропонимическая формула, или состав полного официального имени, у русских принципиально трех членные. Обязательным является индивидуальное имя (в узком смысле), отчество, фамилия: *Иван Иванович Петров, Макар Егорович Ильин, Дмитрий Алексеевич Смидович, Павел Романович Черных, Олег Александрович Ремень; Ольга Ивановна Петрова, Мария Валентиновна Ильина, Анастасия Алексеевна Смидович, Светлана Борисовна Черных, Инна Васильевна Ремень* и т.д.

Второе или третье имя официально не регистрируются, но встречаются исторически сложившиеся двойные фамилии (*Илич-Свитыч, Соловьев-Седой, Бестужев-Лада* и т.д.). Официально сдваивать фамилии жены и мужа запрещено, но определенное количество двойных фамилий дает присоединение к фамилии псевдонима.

«Современная трехсловная формула полного именованя лица (фамилия, имя и отчество) стала всеобщей, вне зависимости от принадлежности к классу, сословию, полу...» [34, с. 20].

На становление русской антропонимической модели оказали влияние социальные факторы, контакты с другими народами, религия. «Русская антропонимия имеет интересную историю. Она развивалась в связи с развитием русского народа, русской нации, русского языка... Эволюция русской антропонимии иногда сопровождалась резкими изменениями всей антропонимической системы. Так, например, важным «скачком» был период XVII-XVIII веков, когда постепенное накопление элементов нового качества привело к серьезным изменениям антропонимических единиц. Наша современная антропонимическая система фактически сформировалась в этот период» [34, с. 4].

Сложную историю становления прошли все три элемента этой системы: личные имена, отчества и фамилии.

В.Д. Бондалетов дает такую периодизацию становления личных имен у русских: 1. Дохристианский период. 2. Период XI-XVII в. 3. Период с начала XVIII до начала XX в. 4. XX в. (после 1917 г.). «Судя по скудным свидетельствам исторических памятников VI-X вв. ..., можно предполагать, что у восточных славян (предков русских, украинцев, белорусов) основной антропонимической единицей было личное имя. Оно использовалось во всех слоях древнерусского общества и входило в состав как простых (однословных), так и составных наименований человека.

подавляющую часть антропонимического фонда составляли имена родного языка, образованные из апеллятивных слов и их сочетаний: простые имена типа *Мал* (князь (945 г.), *Блуд* (972 г.), *Боз* (Бос) – вождь антов (VI в.); сложные имена типа *Всеволод*, *Мстислав*, *Станислав*, *Судислав*, *Доброгост*, *Межмир*, *Хвалибуд*, а также двусловные типа **Волчий хвост**...; позднее к ним прибавились скандинавские: *Игорь*, *Ольга*, *Олег*, *Глеб* – это так называемые династические имена» [16, с. 98].

Мотивами выбора имени могли служить обстоятельства появления нового члена семьи, отношение близких (*Найден*, *Прибыток*, *Жданко*, *Неждан*, *Любим*), порядок появления (**Первой**, **Второй**, **Третьяк**), внешний вид, свойства (*Брюхач*, *Головач*, *Баламут*, *Несмеян*, *Плакса*) имена животных, растений, насекомых, рыб и т.д., а также имена народов (*Варяжко*, *Гречанин*, *Немчин*, *Черемисин*).

Примечательно, что основной вид именованья древней и средневековой эпох сохранился до наших дней в виде прозвищ (кличек), а также в некоторых именах послереволюционной эпохи: *Луч*, *Дуб*, *Гвоздика*, *Алгебраина*, *Гималай*.

Со времени крещения Руси (988 г.) «антропонимическая ситуация в Киевской Руси изменилась: под влиянием церкви стали распространяться предусмотренные церковным каноном и календарем христианские имена»

[16, с.101]. Это в основном имена древнееврейского, греческого и латинского происхождения, в основе которых также лежат апеллятивы, однако на Руси они воспринимались как немотивированные, непонятные, к тому же трудные для произношения (откуда народные переделки типа *Евдокия – Авдотья*), поэтому в течение длительного периода шла борьба между церковными и народными именами.

В послереволюционное время, в связи с отменой обязательного обряда крещения ребенка и перехода к обязательной светской регистрации, список фактически даваемых ребенку имен был значительно расширен, и сейчас, по данным «Словаря русских личных имен» Н.А. Петровского, а также данных архивов загсов, он составляет около 6 тыс. имен. «6 тысяч имен ... Не мешает ли их обилие выполнять языку коммуникативную функцию? ... Несомненно, орфографические и другие трудности возрастают, однако народ, творец и хозяин языка, довольно легко преодолевает эти трудности – он включает в активный репертуар лишь часть имеющегося запаса имен, оставляя в стороне множество «редких», «непривычных», «трудных» «устаревших»... имен» [48, с. 139-140].

В последнее десятилетие XX в, в связи с возрастанием интереса к религии среди русских и возобновлением регулярного (но не обязательного) обряда крещения возрастает роль канонических церковных имен, что иногда ведет к расхождению паспортного и церковного имени (например, *Егор* – паспортное имя, а при крещении дается каноническое имя *Георгий*, среди женских имен та же ситуация с именами *Алёна* и *Елена*).

Отчества «в древнерусском языке употреблялись с древнейших времен... несмотря на кажущуюся строгость в определении функции отчества, т.е. быть только указанием на принадлежность к определенному отцу, русские отчества имеют интересную историю. Отчество в древнерусском языке выполняло две функции: они уточняли личное имя и были почетными именованьями» [34, с. 143]. Отчество у русского народа всегда было показателем вежливого обращения к человеку, однако

параллельно выполняло социальную дифференцирующую функцию: «Не следует забывать, что с древнейших времен официальное употребление отчеств становится почетной привилегией высшего слоя служилой аристократии... В конце XVI в. употребление суффикса отчества *-ич* расценивалось как высокая милость монарха» [34, с. 144]. В определенный период сама форма форманта отчества на *-ич* или *-ов* выполняла социальную функцию.

В настоящему времени сложилась система ограниченных суффиксов, образующих отчества: суфф. *-ин, -ов, -ев, -ич, -ична, -ович, -овна*. *Кузьмич, Лукич, Никитич; Никитична, Ильинична; -ович, -овна* (Петровна, Иванович, Петрович, Ивановна).

В устной речи форма отчества часто редуцируется: *Данилович – Данилыч, Сергеевич – Сергеич, Михайловна – Михаловна* и т.д., что является одним из средств маркировки социального поля.

В отличие от стран с довольно однородным составом фамилий (например, скандинавских), Россия относится к числу стран с чрезвычайно разнообразным составом фамилий (с количественным преобладанием основных фамилии образующих формантов).

Становление русских фамилий завершило общий процесс становления антропонимической формулы русского языка. «Если ... напомнить, что арсенал личных имен был очень мал для все возрастающего населения городов и сел, то не появившись в нашем обществе фамилии, русские были бы поставлены в трудное положение при создавшемся массовом одноименье... Фамилии, особенно в сочетании с личным именем и отчеством и были как раз тем необходимым наименованием лица, которое позволило более индивидуально выделить каждую личность в обществе» [34, с. 158-159].

Предшественником фамилии у русских было фамильное прозвание, возникшее из прозвища. Появление фамилии не отменило обычая давать лицу прозвища, что характерно для всех социальных полей: семьи, производства, иногда – поселка, города или всей страны.

Итак, для современного русского языка характерна весьма устойчивая трехчленная АФ: *личное имя+отчество+фамилия*.

2.2. Социальная роль различных компонентов именования лиц

Несмотря на разные процессы, сформировавшие современные антропонимические формулы у разных народов мира, общепринятыми являются следующие их компоненты: *личное имя*, именование, которое дается человеку при рождении и под которым он известен в обществе, *фамилия* – наследственное наименование, переходящее из поколения в поколение, *прозвище* – имя, даваемое человеку в разные периоды жизни и, как правило, мотивируемое какими-либо личными качествами носителя, *псевдоним* – имя, которое дается носителем самому себе по разным основаниям (политическим, религиозным, творческим), причем иногда фамилия может совмещаться с псевдонимом.

Менее распространенным является такой компонент антропонимической формулы, как *отчество* (наименование по личному имени отца).

Для большинства народов современного мира характерна принципиально двучленная формула – личное имя (или несколько личных имен) и фамилия (или более чем одна фамилия).

Значит, помимо этимологического значения имени, на которое часто ориентируются при наречении ребенка, имя обрастает положительными или отрицательными коннотациями, что также часто играет роль для выбора имени. Например, русское мужское имя *Александр* (отгреч. *alexo* защищать и *ander* (род. п. *andros*) – муж, мужчина), популярное в XIX-XX вв., часто выбирается и из-за высокой этимологической семантики, и из-за ориентации на его популярных носителей (*Александр Македонского*, *Александра Невского*, возможно – трех царей XIX в., носивших это имя). Кроме того, у христианских народов устойчива традиция наречения в честь и того или

иною святого, который считается покровителем человека в течение всей жизни.

Как уже упоминалось, АФ «*имя + отчество + фамилия*» была навязана всем народам СНГ, несмотря на исконно сложившуюся систему именования. Только в редких случаях народам удавалось отстоять своеобразие национального именования, например, азербайджанцам: для мужчины – *Гусейн Исрафил оглы Алиев*, для женщины – *Зейнаб Курбанали кызы Мамедова* и т.д. В данном случае, хотя официальная антропонимическая модель сохранена, она реализует национальное своеобразие.

Антропонимические модели современных народов Европы и Америки, да и многих народов Азии, двучленны, т.е. состоят из личного имени и фамилии. Очевидно, именно эта модель обеспечивает должную меру индивидуализации лица, в совокупности с анкетными данными (сведениями о поле, возрасте, семейном положении, фамилии и т.л.). В то же время структура и личного имени, и фамилии, может быть неодночленной. Например, у немцев количество имен официально не ограничено. Обычно новорожденному даётся одно или два (реже три и больше) имени, одно из которых является основным и которым человека, как правило, называют при обращении. Двойные фамилии также считаются одной фамилией.

В русском языке фамилии на согласный могут носить и мужчины, и женщины (*Волк, Коротич, Гусак* и под.), однако различие осуществляется через склонение фамилии мужчины (*Волка, Коротича, Гусака*) и несклоняемость фамилии женщины. Исключение составляют фамилии на *-их, -ых, -о* (*Долгих, Седых, Щевченко*), несклоняемые в любом случае. Но в полном именования высокая степень дифференциации все же остается за счет личных имен и отчеств.

У многих западных народов различаются формы имени, но не фамилии.

Своеобразная семантизация имен – женских и мужских – по разным семантическим моделям характерна для многих народов мира. Роль мужчины и женщины, отца и матери, мужа и жены в именованиях

неравноценна. Чаще всего роль мужчины в процессах именовании неизмеримо важнее, об этом говорит уже отчество у тех народов, где принята патронимическая система именовании. Обычно женщина получает фамилию либо по отцу, либо по мужу. Обратное, хотя и допускается законом, осуществляется гораздо реже.

Система именовании, принятая в Англии в прошлом и позапрошлом веках, вела к ситуациям практически полного поглощения имени женщины именем мужа, как, например, в романе Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах»: главная героиня, *Ирэн*, нередко именуется «*Mrs. Soams Forsyte*».

Еще одним параметром индивидуализации лица являются возрастные различия имен человека, проявляющиеся весьма своеобразно в системах имен разных народов. Общим для многих народов является наличие детских имен, прозвищ, вариантов основного имени для детей раннего возраста в пределах семьи. Это могут быть ласкательные прозвища типа английских *baby, kiddy, little, sole (mylittle, heartkin, honey)*, тюркских *бўталоқ, қўзичоқ, полопон, дўмбоқ, асалтой*, русского *зайчик, киска, птичка*. Нередко в семейном кругу такое имя-прозвище функционирует параллельно с основным именем в течение долгого времени. В.А.Никонов со ссылкой на Л. Гумилева сообщает, что древние тюрки имели только возрастные имена, а не носили их от рождения до смерти, как европейцы, причем имя всегда указывало на положение человека в обществе [48, с. 21].

Роль прозвищ (кличек) в индивидуализации лиц чрезвычайно велика, ведь иногда именно по прозвищу человек становится знаменитым во всем мире, как, например, кубинский революционер аргентинского происхождения *Че Гевара* (настоящее имя Эрнесто Гевара, *че* – это междометие типа «эй», отражающее дружеское отношение к именуемому).

Особым средством индивидуализации лиц являются псевдонимы (греч. *pseudonimus* «носящий вымышленное имя») – вымышленное имя или фамилия, используемое для замены собственного политическими деятелями, писателями, актерами и др. Это, так сказать, самопрозвище, которое дается

именуемому лицу самому себе из самых разных побуждений, с разными целями, часто противоположными: скрыть свою личность под чужим именем (очень частый мотив для журналистов и т.д.), либо, напротив, прославиться под громким, броским именем. Псевдоним может быть семантической калькой фамилии: например фамилия знаменитого лингвиста *А.Х.Востокова* – это переделка его подлинной фамилии *Остенек*.

Псевдоним может приниматься по месту рождения, политическим убеждениям, при смене вероисповедания (так боксер *Кассиус Клей* превратился в *Мохаммеда Али*), по символическим сказочным персонажам (*Сирин* – В. Набоков, *Хумаюн* – один из афганских революционеров), по именам религиозных персонажей (*Мадонна*); псевдонимы могут представлять подлинное имя в «облагороженном» звучании (*Бриджит Бардо*) и т.д. Чрезвычайно распространены псевдонимы на Востоке: *Фоний*, *Макнуна*, *Ойбек*, *Жулкунбой*.

Таким образом, разные компоненты антропонимической модели нацелены на разные социальные поля, наиболее универсальным компонентом является личное имя, которое проходит через большинство полей, а для многих людей в разных странах, чей социум по сути ограничивается семьей, личное имя и будет основным в течение жизни.

В функциональном плане, особенно по отношению к СП семьи, с именами собственными сближаются обозначения родственных отношений, или термины родства. В пределах семьи функционально уравниваются номинации *Сережа*, *Валя* и т.д. и *мама*, *папа*, *дедушка*, *бабушка*, *тетя* и *дядя* и т.д.

Ср. в английском языке: an old man, an old woman, a father, a mother, an uncle, an aunt, Aunt Ann, Uncle James;

- Well, *Aunt Ann*?-said a voice behind (Galsworthy, 1974, 40).

- Tell me what you think of my new star, *Uncle Swithin*, said Irene softly. (Galsworthy, 1974,65).

В узбекском языке наряду с именами собственными используются

такие слова: *старик* – *чол*, *старуха* – *кампир*, *отец* – *ота*, *мать* – *она*, *ая*, *тётя* – *хола*, *дядя* – *тога*, *старший брат* – *ака*, *старшая сестра* – *она*.

Еще одним средством индивидуализации лица и вместе с тем выражением формул вежливости в разных языках являются следующие слова: *sir, mam, miss, missis, mister, madam; ханум, жаноб; месье, сударыня, господин, пан* и т.д.

Употребление их регулируется этикетными нормами внутри данного языка. Например, во французском языке при официальном обращении к женщине (по фамилии) обязательно употребление слов *мадам* или *мадемуазель*, в зависимости от того, замужем она или нет. Употребление же в ситуации общения только одной фамилии служит знаком особых, возможно, негативных отношений между собеседниками. Эти слова, как и английские *Miss, Mrs.*, употребляются как при обращении, так и при идентификации личности, тогда как устаревшие русские *госпожа, сударь, сударыня* – только при обращении.

Упомянутые слова дифференцирует лица по полу, возрасту, общественному положению. Например, обращение **sir** принято только по отношению к мужчине, старшему по возрасту, званию или общественному положению (например, в ситуации слуга – хозяин), но также если сын в определенной ситуации обращается к отцу.

В реальном общении все компоненты антропонимической модели, термины родства и слова типа *Madam, Mrs.* и т.д. тесно взаимодействуют, создавая в каждом языке специфические вариативные формулы индивидуализации лица и пополняясь такими средствами индивидуализации лиц, как прямое указание на возраст и пол (например, англ. *an old man, an old woman*, узб. *кампир, чол* рус. *старик, старуха*), внешность, происхождение и т.д.

Во многих языковых традициях обозначения лица по профессии, образованию, ученой степени и т.д. чрезвычайно широко используются как при назывании лица в случае его отсутствия, так и при обращении

(например, советник англ. *counsellor* - советник, *postgraduate* - адъюнкт, *lawyer* - адвокат, *professor* - профессор, майор - *major*, полковник - *colonel*, президент - *president*, магистр – *master* и т.д.). В официальной обстановке в современных англоязычных странах принято обращение по должности: *counsellor* советник, *judge* судья, *lawyer* адвокат.

В гораздо меньшей степени такая форма индивидуализации используется в современном узбекском и русском языках.

В настоящее время наиболее распространенной является двучленная АФ: имя + фамилия; менее распространенной является трехчленная модель: имя + отчество + фамилия. В то же время антропонимические формулы многих народов чрезвычайно разнообразны и по-разному сочетают такие компоненты модели, как имя, или имена (постоянные или временные), отчества (формантные или синтаксические), фамилии (которые часто представляют собой родовое или кастовое имя), прозвища, псевдонимы.

Максимальной назывной силой в современном мире обладает фамилия, которая связывает разные социальные поля. Социальная природа фамилии взаимодействует с ее собственно языковой природой.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Антропонимические формулы в английском, узбекском и русском языках сложились в течение веков и отражают исторические, культурные и религиозные традиции данных этносов.

Степень индивидуализации через антропонимические модели мужчин и женщин несимметричны у всех трех народов (как и у других народов мира), однако в настоящее время наблюдается тенденция сохранения за женщиной своей фамилии в браке.

Английская антропонимическая модель является принципиально двучленной (*имя + фамилия*), несмотря на наличие второго имени или большего числа личных имен, так как не включает промежуточного компонента – отчества. Современные английские антропонимические формулы сложились прежде всего на основе древнегерманского ономастикона, который включал пласты, олицетворяющие представления древних германцев о прекрасном и значительном, а также зоофорную группу имен. Мотивом именованья было также сохранение имени ближайшего родственника или его варьирование. Современные вариации древних ономастиконов ведут к приданию старым понятиям нового смысла.

С усилением роли христианства распространились именами библейские, имена католических святых, причем юридически законным становится только имя, данное при крещении.

Тенденции именованья лиц, связанные с христианской религией, сохранились в современных англоязычных странах.

На английский ономастикон оказала влияние и художественная литература, через которую были усвоены, в частности, античные имена.

В настоящее время в Англии употребляется принципиально двучленная антропонимическая формула: *имя + фамилия*, несмотря на то, что часто (особенно в США) употребляется два личных имени (одно из них часто заменяется инициалом).

Русская антропонимическая формула является принципиально трехчленной (*имя+ отчество+ фамилия*); для узбекского языка трехчленная антропонимическая формула является строго официальной, а в пределах разных социальных полей исторически навязанный элемент этой формулы – отчество, используется в меньшей степени, чем в русском языке. Следует отметить подвижки в АФ узбекского языка.

Максимальной номинативной ценностью в узбекском языке обладает личное имя, которое объединяет все социальные поля, а также фамилия. Включение отчества в антропонимическую формулу лица обязательно лишь для официального стиля общения.

Личные имена узбеков отличаются своеобразием и среди других тюркоязычных народов, и среди других народов исламской культуры.

На становление личных имен значительное влияние оказал именник арабов, а через него – многие доисламские. Большую роль в становлении современного именника узбеков сыграла древняя тюркская, а также иранская лексика.

В качестве универсалии можно выделить во всех языках мира индивидуализацию лица при помощи нарицательных (апеллятивов) по следующим параметрам: пол, возраст, семейное положение, социальный статус, особенности внешности, физического состояния, характера, интеллекта.

Употребление любого компонента АФ связано с социальными полями, в которых употребляется имя.

ГЛАВА III. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЯ СЕМЬИ

3.1. Способы именования индивидов в социальном поле семьи английского языка

Английская антропонимическая формула в настоящее время «состоит из следующих антропонимических единиц: личное имя, среднее имя, фамилия и прозвище. Из этих единиц обязательными являются только личное имя и фамилия, которые и представляют собой минимальный набор, необходимый для юридической регистрации англичанина» [33, с. 5]. Фактически та же ситуация сложилась и в других англоязычных странах, за незначительными отклонениями (например, для американцев более характерно среднее имя, или более чем одно).

Антропонимия англичан прекрасно отражена в художественной литературе XIX-XX вв., в произведениях С.Мозма, Дж. Голсуорси, Б.Шоу, и мн.др. Имена собственные, обозначения лиц, входящие в весьма устойчивые в английской литературе формулы, служат одним из средств создания художественного образа, и отражают сложившиеся в обществе иерархические отношения, а также могут служить средствами тонкой диагностики в отношениях между собеседниками.

Например, уже в названии одной из повестей Р.Л.Стивенсона – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» – отражена сложившаяся система номинации: либо обозначение лица по профессии, либо употребление лексем мистер (*Mr.*), миссис (*Mrs.*), мисс (*Ms.*), леди (*Lady*), сэръ (*sir*). Ср. также:

Mr. Atterson is a notorious severe expression never gave a smile (Stivenson, 1987, p. 525).

Поскольку персонаж введен как *Mr. Atterson*, то обозначение профессии дается как приложение. Примечательно, что на протяжении всей повести

данный персонаж, весьма важный в структуре сюжета, не называется по имени, что демонстрирует исключительно важную роль фамилии как в социальном поле семьи, так и в административном поле англоязычной традиции.

Сложившаяся к началу XIX в. традиции именования и употребления компонентов антропонимической формулы в английском обществе во многом сохранилась в XX в. (хотя в чем-то и претерпела изменения), поэтому нами анализируются произведения как XIX, так и XX вв.

Семья обычно рассматривается как крупное объединение всех родственников, а не только круг родителей с детьми (иногда с бабушками и дедушками и другими близкими кровными или некровными родственниками). Лучше всего это отражено в «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «многотомном эпическом цикле», отражающем жизнь английского общества на протяжении полувека, с 80-х гг. XIX в. по 30-е годы XX в.

This was the occasion of an "at home" to celebrate the engagement of *Miss June Forsyte, old Jolyon's granddaughter, to Mr. Philip Bosinney*. In the bravery of light gloves, buff waistcoats, feathers and frocks, the family were present- even *Aunt Ann*, who now but seldom left the corner of her brother *Timothy's* green drawing-room, where, under the agis of a plume of dyed pampas grass in a light blue vase, she sat all day reading and knitting, surrounded by the effigies of three generations of *Forsytes*...When a Forsyte was engaged , married, or born, the *Forsyte s* were present, when a Forsyte died- but no *Forsyte* has as yet died: they did not die; death being contrary to their principles, they took precautions against it, the instinctive precautions of highly vitalized persons who resent encroachments on their property (Galsworthy,1974,p.30).

В процитированном отрывке представлены модели официального и неофициального именования в социальном поле семьи, сложившиеся в Англии конца XIX в., отражающие индивидуализацию лиц по полу, возрасту, степени родства, а также формула обобщения всех членов данной семьи –

фамилия (в единственном числе: *Форсайт* – один из членов семьи, либо во множественном числе – *Форсайты* – формула обобщения и совокупности).

При именовании женщин важную роль играл социальный статус по линии «замужем» – «незамужем»:

«Seated in a row close to one another were three ladies-*Aunts Ann, Hester* (the two Forsyte maids), and *Juley*, (short for Juliya), who not in first youth had so far forgotten herself as to marry *Septimus Small*, a man of poor constitution» (Galsworthy, 1970, p. 31).

Несмотря на кратковременность ее замужества, Джулия до конца жизни именуется в официальном варианте *миссис Септимус Смолл (Mrs. Septimus Small)*, так же, как единственная замужняя сестра в старшем поколении Форсайтов – *миссис Хеймен (Mrs. Hayman)*. Статус замужней женщины настолько важен в Англии, что имя этой замужней сестры вообще не приводится. Внутри семьи замужние женщины именуются для дифференциации по именам мужей: *миссис Сомс Форсайт (Mrs. Soames Forsyte)* (либо миссис Сомс), *миссис Джеймс Форсайт (Mrs. James Forsyte)* (либо *Миссис Джеймс*), *Миссис Николас Форсайт (Nicholas Forsyte)* (либо *миссис Николас*) причем имя жены Николаса не раскрывается в тексте) и.д. Имя *миссис Сомс (Mrs. Soames) (Ирэн)* и *миссис Джеймс (Mrs. James) (Эмили)* в текст вводятся гораздо позже, чем упомянуто официальное имя.

Имена молодых незамужних девушек *Джун (June)*, *Юфимия (Euphemia)*, *Фрэнсис (Frances)* и т.д.) употребляются в целом чаще, чем имена замужних женщин или старых дев, которые вынуждены нести знак своего статуса в течение всей жизни.

Форсайты представляют собой семью патриархального типа, всего представителей старшего поколения десять – шесть братьев и четыре сестры, поэтому по ходу повествования автор прибегает к таким средствам индивидуализации:

"Behind *Soames* his cousin, the tall *George*, son of the *fifth Forsyte*, *Roger*, had a Quilpish look on his fleshy face, pondering one of his sardonic jests" (Galsworthy, 1974, p. 31).

"In turn the three brothers looked at *Ann*. She was getting shaky. Wonderful woman! Eighty – six if a day, might live another ten years, and had never been strong. *Swithin* and *James*, the twins, were only seventy- five, *Nicholas*, a mere baby of seventy or so. Of all forms of property their respective health's naturally concerned them most" (Galsworthy, 1974, p. 38).

Во втором из приведенных отрывков средствами индивидуализации являются уточнение родства (близнецы) и возрастная характеристика, вместе с тем прослеживается и тенденция к обобщению, к наделению всех членов семьи одинаковыми признаками.

Несмотря на все признаки буржуазной цивилизации в романе, положение мужчины и женщины в Англии того времени было далеко не равноправным, что постоянно отражается в системе номинации лиц (это неравноправие и привело к основному конфликту романа по линии – *Ирэн Форсайт Сомс (Irene Forsyte Soames)*, *Форсайт - Филип Босини (Forsyte Philip Bosiney)* – *Джун Форсайт (June Forsyte)*, – молодой *Джолион Форсайт (young Jolyon Forsyte)*).

Номинации *молодой Джолион (Форсайт) (young Jolyon Forsyte)* – *старый Джолион (old Jolyon)* – *молодой Роджер (young Roger)*– *Молодой Николас (young Nicholas)* появляются вследствие традиции называть старшего сына именем отца и необходимостью дифференцировать представителей семьи в разных поколениях; со временем это приводит к весьма оригинальным номинациям *очень молодой Николас (very young Nicholas)*, *очень молодой Роджер (very young Roger)* и даже *очень, очень молодой Роджер (very, very young Roger)*. Эти номинации являются чисто релятивными и при смерти старших носителей одного и того же имени разрушаются, ср. ироническую номинацию *уже не молодой Джолион*,

характеризующую лицо и по возрасту, и по отсутствию живого родителя (при его жизни Джолион именовался бы молодым независимо от возраста).

В именовании двоюродных, а в следующем поколении троюродных братьев и сестер вновь выступает на первый план цементирующая семью роль фамилии, так как прослеживается тенденция не давать одинаковых имен представителям отдельных ветвей семьи. Мужчины и женщины вновь оказываются в неравном положении, так как сыновья миссис Хеймен (Mrs Neuman) носят какие-то несерьезные имена *Джесс (Jesse)* и *Джайлс (Giles)*, которые чем-то похожи на имена членов эстрадных дуэтов; это вообще самые безликие члены семьи.

Имя представителя самой старшей и самой важной ветви семьи – *Джолион (Jolyon)* – не входит в ряд частотных и употребительных имен других ветвей: *Николас (Nicholas)*, *Джемс (James)*, *Роджер (Roger)*, *Тимоти (Timothy)* (особняком стоит имя Суизин). Это не случайно, так как все носители имени *Джолион (Jolyon)* в романе и весьма типичны как члены своей семьи и своего класса, и в то же время обособлены по масштабу личности, по наличию признаков восприятия Красоты (противопоставленной в романе собственности). Таким образом, имя в данном романе никак нельзя рассматривать как случайную метку, чисто условный прием обозначения лица. На всем протяжении романа имя героя или его перемена (например, Ирэн (Irene) впоследствии возвращает себе девичью фамилию *Эрон*, а еще позже вновь становится *миссис Форсайт*, но только *миссис Джолион (Mrs. Jolyon)*), т.е. имя значимо, можно сказать – знаковым.

Например, фамилия жениха *Джун (June)* и возлюбленного *Ирэн Филипа – Босини (Irene Philip Bosinney)*, что не вполне соответствует стандарту Форсайтов, поэтому один раз эта фамилия дается (через персонаж) с неправильным ударением. Этим еще раз подчеркивается чуждость Филипа Босини, человека творческой профессии (архитектор), с чем Форсайты еще могут смириться, но главное – практически неимущего и чуждого собственности, что является в глазах Форсайтов непростительным грехом.

Новомодные имена (для англичан) появляются главным образом в семье (в узком смысле) сестры *Сомса Форсайта* (sisters' *Soames Forsyte*), Уинифрид (*Winifred*), например, *Имоджин* (*Imogen*), *Публиус* (*Pablious*)— последнее имя, скорее всего, запоздалая дань Возрождению, когда в моде были имена, связанные с античностью. Сам носитель этого имени сменил его (из-за насмешек товарищей) на *Валериус*, уменьшительным от которого было вполне британское *Вэл*. Вообще уменьшительные (как средство индивидуализации имени) в романе достаточно широко употребляются и при обращении, и в описаниях, но эта система существенно отличается и от образования и функционирования современных английских уменьшительных имен, и буквально контрастна системе уменьшительных имен в русском языке.

Во-первых, уменьшительных личные имена героев романа образуются и используются чрезвычайно экономно: далеко не от всех полных имен имеются уменьшительные. Нет уменьшительного от имени бесспорного лидера семьи, старого Джолиона, из его братьев только Николас имеет уменьшительное *Ник* (*Nick*), причем только в кругу братьев, например:

"...but as *Roger* voiced it in his thoughts: "Always a stubborn beggar, *Nick!*"(Galsworthy, 1974, p. 48).

Сестры называют Николаса, как и других братьев, *дорогой* Николас. Из старшего поколения частым использованием уменьшительного характеризуется только *Джулия* (*Juliya*) – *Джули* (*July*) – *тетя Джули* (*aunt July*): примеры других уменьшительных: *Джолион младший* – *Джо* (*Jolyon young - Jo*), *Джолион*(*Jolyon*) – (сын Джолиона-младшего от второго брака) – *Джолли* (*Jolly*), *Джолион* (*Jolyon*) – (сын Джолиона-младшего и *Ирэн*) – *Джон* (*John*), (уменьшительное, совпавшее с другим полным именем, но дифференцирующее данного *Джолиона* от других носителей этого имени в семье).

Встречаются уменьшительные имена у второстепенных персонажей *Фрэнсис (Forsyte)* (имя женщины), – *Фрэнси (Fransy)*, *Монтегью (Дарту) (Montague) – Монти (Monty)*.

В каждом случае употребление уменьшительного оказывается не случайным, например, в случае *Джулия (Juliya)– Джули (July)* это знак снисходительной иронии к сестре (либо тетке), которая в семье считалась чудаковатой. *Джолли (Jolly)* – это созвучная по форме и значению пара к имени сестры – *Холли (Holly)*, причем это семантизированное уменьшительное имя – повод для негодования клана Форсайтов, так как мальчик был «незаконнорожденным». *Фрэнси (Fransy)* и *Дарту (Darty)* по разным причинам не вполне соответствуют стандарту Форсайтов, почему и получают уменьшительные имена.

Особую роль играет уменьшительное *Филипа Босини – Фил (Philip Boasiney-Phil)*, которое употребляют только трое персонажей: тетка архитектора *миссис Бейнз (Mrs. Baynis)* (оставшаяся в романе без имени как персонаж, крайне неприятный автору), его невеста *Джун (June)* (что вполне закономерно) и *Ирэн (Irene)*, у которой на это нет никаких оснований, чем и подчеркивается сложность ситуации. При отсутствии в английском языке местоимения, соответствующего русскому *ты*, узбекскому *сен*, именование лица по имени, тем более уменьшительному, как бы восполняет парадигматическую недостаточность системы местоимений, отражая интимность, дружественность отношений.

Наряду с именами собственными, средствами индивидуализации в романе являются прозвища: *Босини – пират*, *Суизин – толстяк*, *Сомс – собственник* (хотя все Форсайты убежденные собственники, в данном случае речь идет о претензии Сомса на свою жену как неотъемлемую собственность), молодой Джолион – «*трехпалубник*» (из-за того, что он был трижды женат).

Интересным является и пример намеренного забвения имени Суизином, когда он говорит о нелюбимой племяннице:

"Roger's daughter what's she called- the pale one" (Galsworthy, 1970, p. 182).

Важную роль в отражении структуры социального поля играет обращение. В «Саге о Форсайтах» представлены в основном обычные модели внутрисемейного обращения, характерные не только для Англии, но и обычные в Европе. Представители одного поколения обращаются друг к другу по имени, полному или уменьшительному, например:

"What is the name of your doctor, *Fanny*?" (Galsworthy, 1974, p. 66).

То же характерно для друзей семьи, например: миссис Чесмен, старая приятельница Суизина, обращается к нему так:

"Pouting at *Swithin*, she said: "Ann has been asking for you. You haven't been near us for an age!" (Galsworthy, 1974, p. 64).

Младшие к старшим обращаются, используя формулу «дядя Джолион» *uncle Jolyon*, «тетя Эстер» *aunt Hester*, причем не только кровные родственники, например, Ирэн так обращается к старому Джолиону, уже не будучи его родственницей (некровной, по браку), а он именует её племянницей в завещании.

Молодой Джолион (фактически уже немолодой человек) после долгой разлуки обращается к отцу так:

"How are you, *Dad*?" – "How are you, *my boy*?" (Galsworthy, 1974, p. 62).

Как известно, семантическое поле терминов родства представляет собой один из участков словарного состава, содержание которого в наиболее явном виде соотнесено с внеязыковой действительностью.

Поскольку в рассматриваемом романе представлено несколько поколений разветвленной семьи, а также её история (в пределах буржуазного социального поля), задействованы практически все термины родства. Описывается прародитель, отец старшего поколения «*Гордый Доссет Форсайт*», т.е. буржуазная семья оказывается довольно молодой в смысле знакомства с предками (в знатной семье предки прослеживались бы на протяжении, по крайней мере, десятка веков).

Из особенностей обращения в романе следует упомянуть отражение «модной» тенденции именования матери по имени (*Эмили, жена Джемса*), но только в одной ветви семьи.

Особенностью английского языка является употребление в официальном (реже ироническом) обращении и описании наряду со словами миссис, мисс номинации *леди (lady)*. Дефиниция в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова не вполне соответствует реальному употреблению этого слова в современном английском языке: «В Англии: жена лорда, а также замужняя женщина аристократического круга» [108, с. 124].

На самом деле это слово употребляется и в Америке, и в других англоязычных странах, и не только по отношению к замужним аристократам, но и к замужним или незамужним женщинам любого происхождения, с целью официального почтительного обращения, либо (чаще в Америке) с целью выражения иронии из-за явного несоответствия именуемого лица первоначальному значению этого слова. В романе, отражающем буржуазную среду, употребление этого слова не является частотным, но все же есть примеры такого употребления (именно как параллельного со словом *миссис*):

"A long man, with side whiskers, who had once been in *Swithin's* service, but was now a green grocer, entered and proclaimed: – *Mrs. Chessman, Mrs. Septimus Small!*" (Galsworthy, 1974, p. 63).

Леди как жена лорда представлена в романе только одним лицом из числа персонажей, близких к семье – *lady Mrs. Baynis леди (Миссис) Бейнз* (тетка Босини).

Распространение номинации *lady* (леди) на «обычных» женщин является формой вежливости по отношению к ним, тогда как титул *lord* (лорд) («высший дворянский наследственный титул или титул высших должностных лиц, а также лицо, носящее этот титул») никогда не распространяется на «обычных» мужчин. Таким образом, система значений и назывная сила имени пары *лорд-леди (lord-lady)* несимметрична.

По наблюдениям В.И. Болотова, «в СП семьи среди членов одного и того же поколения нейтральной формой антропонима можно считать одно имя личное. При именовании старшим поколением младшего нейтральной формой антропонима является также имя личное, но при именовании младшими индивидов старшего поколения нейтральными формами следует полагать название степени родства (mother, father), а также название степени родства имя личное (aunt Ann)» [13, с.125].

В нашем материале встречаются следующие типы именовании членов одного поколения:

а) имя личное полное:

"And please, meet a good friend of mine, *Charlotte Angus*" (Carol Shields, 1997, p. 95).

"*Larry Weller?*", "Larry. This is Lucy calling. *Lucy Warkenten?*

"Lucy!" (Carol Shields, 1997, p. 95).

б) Имя личное уменьшительное:

"Good point, *Charlene*" (Carol Shields, 1997, p. 321).

"So what do you think, *Lare?*" (Carol Shields, 1997, p. 65).

в) прозвище: Молодого Джолиона Джордж прозвал «трех палубником»

"Very haughty!" he said, "*the wild Buccuneer!*" (Galsworthy, 1974, p. 32).

г) дифференцирующие наименования:

"Anybody, who has the natural ability and education *that Dave* has, doesn't have to worry about getting a job. Is Dave likely to get a job?" (PP).

"*This boy* is unable to distinguish a verb from noun".

"Yes, said Roger, she's a good-looking woman, *that wife* of Soames" (Galsworthy, 1974, p.45).

"Who is *that girl* with yellow hair and dark eyes?" he asked (Galsworthy, 1974, p. 126).

"*That* – oh! *Irene Heron*. Her father, Professor Heron, died this year. She lives with her stepmother. She's a nice girl, a pretty girl, but no money!" (Galsworthy, 1974, p. 126).

В.И.Болотов, отмечая, что английский язык беден оценочными формами имен собственных (это формы, получаемые путем прибавления гипокористического аффиксоида *-y; -ie; -ey; -ay* к сокращенной форме имени), пишет: «Эмотивно-оценочные имена употребляются в подсистеме семьи; в детском языке как средство передачи материнской ласки и т.д. В этой подсистеме они – норма. Между членами одного поколения обычные разговорные формы – уменьшительные имена. Старшее поколение может называть младшее поколение уменьшительно-ласкательными именами» [13, с. 155].

Представители старшего поколения обычно именуют представителей младшего поколения полным, усеченным либо уменьшительным именем:

"I know you Russians smoke all through your meals. Please, do not stand on any ceremony with me. *Robert*, where are the cigarettes" (Maugham, 1977, p. 97).

"But mind. *Charley*, keep it under your hat Caisin Wilfred's worked it" (Maugham, 1977, p. 248).

"Listen *Larry*, I've got to tell you something. I hope it won't hurt your feelings" (Carol Shields, 2000, p. 64).

Кроме того, встречаются именованья типа *детка, малютка*.

"Go to sleep, *my sweet*", he said. Don't be upset because I'm in a bad humour today. I drank too much yesterday. I shall be all right tomorrow" (Maugham, 1977, p. 74)

Представители младшего поколения обычно именуют представителей старшего поколения через термины родства, в том числе в уменьшительной форме.

Более отдаленные ступени родства могут именоваться через термины родства /уменьшительная форма *auntie, daddy*.

" You never eat cane, *Auntie Faith*? "

"Daddy, *Auntie Faith* never eats cane" (Andrea Levy, 2000, p. 220).

"*Auntie Faith*, do you live in a big house?" "*Auntie Faith*, do you have a car?" (Andrea Levy, 2000, p. 221).

"Vincent, what did *Auntie Mildred* and *Auntie Euncie* quarrel over?" (Andrea Levy, 2000, p. 207).

Сочетания термина родства с именем личным может быть и обычной формулой обращения, и выполнять дифференцирующую функцию: тетя Джули, Энн и т.д.

"*Uncle Swithin!* What does his mother? You can throw him!" (Galsworthy, 1974, p. 130).

«What do you think *Aunt Hester*» (Galsworthy, 1974, p.187).

«Iremem berheused to drink Madeira butas kyour *Aunt Ann*» (Galsworthy, 1974, p. 42).

Судя по рассмотренному материалу, именование супругов в принципе не отличается от именовании других представителей одного поколения:

"*Lydia*, go and fetch me my coat and my shoes", cried Robert. "These gentlemen want me to accompany them" (Maugham, 1977, p. 122)

"He's looking awfully please *Leslie*", she said.

"What do you mean, *Leslie*? You don't mean to say you think he's been having a lot of horrid foreign women" (Maugham, 1977, p. 245)

"Come off it, *Venetia*. What d'you suppose he went to Paris for?" (Maugham, 1977, p. 245).

Случаи именовании родителей по имени собственному крайне редки и отражают особую ситуацию, например, стремление членов семьи Джеймса не отстать от моды. Отметим, что в англоязычной традиции широко распространено именование *свекра, свекрови, тестя, тещи* по имени.

3.2. Способы именования индивидов в социальном поле семьи в узбекского и русского языков

Как и в английском, основное средство индивидуализации в узбекском и русском языках – личное имя, которое, как правило, бывает единственным, если только в семье не употребляется второе имя как прозвище.

Можно считать, что узбекское личное имя имеет большую назывную силу, более соответствует назначению индивидуализации, так как именник узбеков и в мужской, и женской части несравненно богаче, чем в английском и русском языках, а концентрация имен гораздо ниже.

Ярким свидетельством многоименности, характерной для узбеков, является словарь Э.А. Бегматова «Ўзбек исмлари маъноси (изоҳли луғат)», в котором зафиксировано 14 600 личных имен [11].

В последние годы (90-е годы XX в, начало XXI в.) подвижки в именниках характеризуют как систему мужских, так и женских имен. По нашим наблюдениям, в число лидирующих имен вошли мужчин *Темур, Бобур, Жамиид, Шерзод, Шаҳбоз, Шаҳзод, Шоҳжаҳон, Шоҳруҳ, Жавоҳир* среди женских имен в Ташкенте, пожалуй, самыми популярными стали имена *Камилла, Ситора, Шаҳноза, Дурдона, Шаҳзода, Нигора, Бону, Сабрина*.

Носители имен стали более строго относиться к форме имени: устраняются русифицированные формы: не *Бахадир*, а *Баҳодир*, не *Юлдаш*, а *Йўлдош* и т.д. Постепенно произошел отказ от изменений имен на русский лад, когда *Саодат* превращалась в *Соню*, *Баҳодир* в *Борю*, *Тўлқин* в *Толика* и т.д. В то же время сокращения имен в семейном кругу представляет собой чрезвычайно распространенное явление: *Маъсума- Масу, Хуршида- Хурши, Нозима-Нози, Гулчехра-Гули, Фотима-Фоти, Зухра-Зовра, Муҳаммад-Мамат, Абдулаҳмад-Аҳмад, Отабек-Оташ, Малика-Мали, Маҳлиё-Маҳли*.

В упомянутых уже работах В.А.Никонов писал о тенденции к

сокращению имен, связанных с религией, особенно составных, с элементами *абду-*, *abu-* и *-дин*. В связи с возрождением духовности узбекского народа можно было бы прогнозировать возвращение потока таких имен, однако обобщающих данных за последнее десятилетие по Ташкенту и вилоятам нет (по сути их нет в сводном виде и за предшествующие десятилетия), а те имена детей, которые на слуху, пока не подтверждают наше предположение.

Своеобразнейшим явлением узбекского именника являются антропонимические серии внутри семьи, что является и средством индивидуализации семьи в целом, и средством обобщения членов семьи.

Антропонимические серии связаны с экстралингвистическим фактором – количеством детей в семье, поэтому можно сказать, что антропонимические серии более характерны для вилоятов, где семьи более многодетны, чем в Ташкенте и других крупных городах. Во всяком случае, они представляют собой яркую отличительную черту узбекского именника по сравнению с английским и русским.

Наличие «серийности» наречения детей в пределах одной семьи подтверждает тенденцию отсутствия сокращенных имен в пределах семьи, иначе имена детей плохо дифференцировались бы между собой. Сокращенное, вообще чрезмерно краткое имя не соответствует традиции наречения мусульман. А.Гафуров, сопоставляя ласкательные формы имен русских, англичан и восточных народов, пишет: «У таджиков, узбеков, у части казахов ласкательная форма имени «дозволена» в любом возрасте. Более того, когда хотят обратиться к малознакомому человеку, чаще всего называют его по имени, но в ласкательной форме. Для этого к имени присоединяют слово *джан* (в соответствующей фонетической форме), например, среднеазиатское» [22, с. 40].

Кстати, во многих случаях **-жон** входят в мужские паспортные имена *Раҳимжон, Ахмаджон, Воҳиджон, Тохиржон, Маъруфжон*.

По отношению к женским именам такую же роль выполняет элемент **-хон** (из хонум "госпожа"): *Каримахон, Марьямхон, Зулфияхон, Раънохон*.

Узбекский язык обладает богатой системой средств выражения уменьшительности по отношению к именам нарицательным (аффиксы *-ча*, *-лок*, *-чоқ*, *-гина* и др.). В последние десятилетия распространилась форма типа *Азизхон* по обращению в мужчинам, особенно в вилюятах.

М.А.Джурабаева пишет о случаях употребления форманта *-ой* (от *ой* "луна"); обычно употребляется как подчеркивание женскости при "мужском" имени женщины: *Эркиной*, *Шухратой*) как уменьшительного: *Каромой* от имени *Каромат*. Однако, на наш взгляд, экспрессия в данном случае имеет источником не уменьшительность, а именно подчеркивание женского начала. Более убедительным выглядит пример *Зухраойгина*, где уменьшительно-ласкательное значение связано с аффиксом *-гина* [27, с. 37-38].

По нашим наблюдениям, непосредственно к личному имени уменьшительные аффиксы присоединяются редко.

А.Г.Гулямов пишет об особенностях аффиксов с уменьшительно-ласкательным значением в узбекском языке: «Многие аффиксы, первоначально связаны со значением уменьшения, теперь часто выступают как элемент, выражающий только экспрессию ... Слово – "уменьшение", как термин этого явления, понимается в очень широком смысле (количественное уменьшение, выражение низкого качества и т.п.), но узбекский термин "кичрайтириш" ... не совсем подходит для обозначения данного явления...

Ясно, что уменьшение дает значение ласкательности и унижения, унижения: аффиксы, выражающие уменьшительно-ласкательность, служат и для выражения понятий, противоположных этому значению (унижение, ирония, презрение, отрицательная оценка). В узбекском языке почти невозможно в отдельно взятом, изолированном слове указанного типа видеть значение унижения» А.Г.Гулямов приводит случаи контекстуального, «приращенного» унижительно-ласкательного значения аффикса *-хон*, если он присоединен к мужскому имени, *Мухторхон, Азизхон, Худоёрхон, Алихон, Музаффархон* [25, с.15, 20].

Категория субъективной оценки имеет различное устройство и различные функции в английском, узбекском и русском языках.

В узбекском языке в СП семьи, как и в других социальных полях, она используется преимущественно как средство уважительно-ласкательного обращения и возможного выделения денотата (при наличии одноименности в семье). Сокращения русского типа, т.е. ласкательно-пренебрежительного и т.д., возможны только в молодежной, преимущественно смешанной в языковом отношении среде: это усеченные имена типа *Алиш, Бахти, Баха, Музап, Шурик, Толик, Гарри*, не исключено использование русских суффиксов: *Бахтиёрчик, Гузалька, Саулька, Ирошка, Мохишка* и т.д.

Через систему обращений, например, родителей к детям, проявляется своеобразие нормативного и ненормативного, нейтрального и эмоционально окрашенного употребления имен собственных. Например, в предложении

– «Турақол, *Кимсанжон!* – деди ойим. – Даданг келяпти» (Ў. Хошимов, 1993, 48б).

Мать обращается к сыну, отдавая приказание и в то же время проявляя уважение. В предложении – *Кимсан!* – форма обращения является проявлением строгости. Мать недовольна поведением своего сына и обращается к нему с возмущением. Эта форма не нормативна в повседневном общении, характеризуется яркой эмоциональной окраской.

В произведении У.Хошимова «Икки эшик орасида» большая часть примеров на обращение старших к младшим, если употреблено имя собственное, включает аффиксы *-жон* или *-хон*.

«— Унақа қилманг, келинпошша! – Ойим чўмични айлантирар экан, юпатди. – Ирими ёмон бўлади, *Раънохон!* Юртга келган тўй» (Ў.Хошимов, 1993, 129 б).

«— Табиб бува мулойим товушда йигитга тайинлади.

— Укангизни уйларига обориб кўйинг... *Олимжон*» (Ў.Хошимов, 1993, 33б).

«Бир ҳафтадан кейин тагин обкеласиз, – деб қолди кетимиздан чиққан табиб бува, мулойим жилмайиб. – қисилманг, *Шомуроджон*. Бола-да!» (Ў.Хошимов, 1993, 33б).

«— *Зурахон, қизим!* – деди атласнинг қатини очиб, – Робия иккалангга бир хилда кўкрак бурма кўйлак тикиб бераман. Байрамда бир ўйнанглар!» (Ў.Хошимов, 1993, 67 б).

«— Тоғанг бало экан, *Кимсан*. Келин бўлмиш *Раънохон* икки жаҳоннинг бири! Уч марта совчи бўлиб бордимۇ бари бир пишмайдиган савдо деб ўйлаган эдим. Шундоққиз Шомуродга тегишига ақлим етмовди» (Ў.Хошимов, 1993, 68 б).

«— Ҳой менга қаранг, *Зарифахон!* – деди келин ойиси, – биз кимнинг бошига етибмиз? Нималар деяпсиз ўзингиз?» (О.Ёқубов, 2002, 320б).

Термины родства в узбекском языке представляют собой богатую, разветвленную и своеобразную по сравнению с английским и русским языками систему: *Абира* "правнук, правнучка"; "внук, внучка"; *авара* "праправнук, праправнучка; дальнее потомство"; *авлод* "1) "потомок, потомки, потомство; дети, род"; 2) "родственники, родня"; *аёл* "1) "женщина"; 2) "жена"; *брат* "1) "старший брат"; 2) вежливое обращение к старшему; 3) частица вежливости; *акаси* "братец", обращение; *амаки* "1) "дядя по отцу"; 2) обращение к старшему; *амма* "тетя по отцу"; *аммавачча* "двоюродный брат или сестра (дети сестры отца)"; *бобо* "дед, бабушка"; *жиян* "племянник;

племянница", *келин* "невестка, сноха", "молодая"; *кенаи* "невестка"; *қайнана* "теща", свекровь"; *набира* "внук, внучка"; *она* "мать"; *она* 1) "старшая сестра"; 2) вежливое обращение к старшей по возрасту; *ога* "старший брат"; *ота* "отец"; *сингил* "младшая сестра" (*синглим* "моя младшая сестра; моя сестренка" – вежливое обращение к младшей по возрасту); *ука* 1) "младший брат"; 2) вежливое обращение к младшему по возрасту; *фарзанд* "сын, дитя, ребёнок, потомок"; *хола* 1) "тётя по матери", 2) вежливое обращение к старшей по возрасту; *хотин* "жена, женщина"; *энага* "кормилица, бабка"; *эр* "муж, мужчина", *янга* 1) "жена старшего брата", 2) этн. "сваха".

Известно, что система терминов родства узбекского языка принципиально отличается от подобных систем как английского, так и русского языков в обозначении сем «пол» и «родство по отцу или матери». Например, в отличие от русского языка **племянник** и **племянница**, **внук** и **внучка** обозначаются одним именем; различаются в именовании дядя по отцу и по матери, а также их потомство; разнокоренными словами обозначаются старший и младший брат, старшая и младшая сестра.

Термины родства узбекского языка и близкие к ним слова (**бола**, **чол**, **кампир** и др.) более активно, чем в английском и русском языках, участвуют в установлении отношений в социальном поле семьи, помогая выражать как нормативные нейтральные, так и ненормативные эмоционально-окрашенные отношения между младшими и старшими и представителями одного поколения.

В отличие от других языков, в русском языке совершенно не употребительны в роли обращения такие термины родства, как **шурин**, **деверь**, **свояченица**, **золовка**, тем более что точное значение их забывается, они смешиваются между собой и чаще заменяются описательными выражениями **брат жены**, **брат мужа**, **сестра жены**, **сестра мужа**.

Таким образом, для индивидуализации лиц в социальном поле семьи русского языка максимально используется категория субъективной оценки, причем как для имен собственных, так и для апеллятивов.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

В социальном поле семьи, особо важном для любого человека, система номинаций оказывается особо важной и знаковой, она является индикатором семейных отношений, благополучия или неблагополучия семьи, своеобразие отношений. Эта система во всех трех языках обладает широкой вариативностью и тесно взаимодействует с административным социальным полем.

В социальном поле семьи английского языка основную нагрузку несет личное имя. Употребление или неупотребление уменьшительных имен может служить своеобразной эмоциональной характеристикой и атмосферы в семье, и самого именуемого лица.

При общении между более отдаленными ветвями одной семьи большую роль играет фамилия как цементирующее начало. Употребление сигналов антропонимов типа Mr., Miss. и т.д. является нормой.

Определенную роль в социальном поле семьи играют прозвища.

Как и в других языках, можно выделить следующие линии общения между родственниками: 1) родители – дети, 2) дети – родители, 3) члены одного поколения, 4) супруги, 5) представители более отдаленных степеней родства. Каждая из выделенных линий представляет собой особую систему номинаций, ядром которой являются собственные имена и термины родства.

Социальное поле семьи в широком смысле включает близких и дальних родственников, друзей, соседей, а также слуг (служащих). В английском языке административное социальное поле «вдвигается» в СП семьи, т.к. нередко в пределах большой семьи номинации «семейного», неофициального типа часто уступают официальным номинациям.

По сравнению с европейскими личными именами, для узбекского именина характерна низкая концентрация имен, т.е. наличие большого

количества как мужских, так и женских имен, а также своеобразное явление антропонимических серий внутри семьи.

Несмотря на богатую систему средств выражения уменьшительности-ласкательности в узбекском языке, преобладающими модификационными формами личных имен являются формы на **-хон** и **-джон**, которые квалифицируются как уважительно-ласкательные. Уменьшительно-пренебрежительные или фамильярные формы не характерны для узбекского языка, что составляет яркую черту алломорфизма узбекского и русского языков. Через систему обращений (родителей к детям, детей к родителям и т.д.) в СП семьи проявляется своеобразие нормативного и ненормативного, нейтрального и эмоционального употребления имен собственных.

Термины родства узбекского языка более активно, чем в английском и русском языках, участвуют в установлении разветвленной системы отношений в СП семьи (отношения между членами одного поколения, отношения старших к младшим, отношения младших к старшим, отношения между мужем и женой). Особую роль играет употребление терминов родства как особых постпозитивных частиц (**ота, она, ака, ука, синглим, хола** и др.). Это своеобразные сигналы антропонимов узбекского языка. Это явление, принципиально алломорфное как с английским, так и с русским языком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Развитие лингвистической науки в XX веке способствовало появлению новых аспектов исследования языковых единиц. Наиболее популярным из них является изучение языка как составной части культуры, которое позволяет глубже проникнуть в суть культурно маркированных языковых единиц. Особое место среди семиотических знаков занимает антропонимическая лексика, имеющая отличительные особенности.

2. Культурные и языковые коды, которые сохраняются в памяти народа, являются решающими при возврате ранних традиций, но на каждом историческом периоде наблюдается воздействие других дополнительных факторов и лингвокультурных традиций.

3. Функциональный потенциал антропонимов не исчерпывается только номинацией лиц, а играет важную роль в структурировании социальных полей английского, узбекского и русского языков.

4. В английском, узбекском и русском языках сложились разные структуры социального поля семьи и социального поля администрации: в английском языке социальное поле администрации «вдвигается» в социальное поле семьи, чем предопределяется наличие ряда официальных формул общения; в узбекском языке, напротив, социальное поле семьи «вдвигается» в административное социальное поле, в результате чего преобладает «семейный» тип общения в учреждениях, организациях и т. д. В русском языке социальное поле семьи и административное социальное поле максимально разграничены по сравнению с узбекским и английским языками.

5. Для отражения структуры социальных полей существенно наличие (в узбекском и русском языках) и отсутствие (в английском языке) дифференциации местоимений 2-го лица как формул фамильярности или интимности и вежливости. В связи с отсутствием такого различия в

английском языке возрастает роль личного имени как знака дружеского общения.

6. Антропонимические формулы трех языков, сложившиеся в течение веков, во многом определяют структуру социального поля. Для английского языка характерна принципиально двучленная формула, несмотря на наличие второго имени (или большего числа имен).

7. В социальном поле семьи английского языка основную нагрузку несет личное имя, причем эмотивно-оценочные имена более стабильны и немногочисленны, чем в русском языке. По сравнению с русским и узбекским языками, в социальном поле семьи английского языка гораздо большую роль играет фамилия, например, при общении с дальними родственниками.

8. В социальном поле семьи узбекского языка также основную нагрузку несет личное имя, причем в несокращенной форме. Фамилия, а также отчество, в социальном поле семьи узбекского языка не играют существенной роли.

9. В социальном поле семьи русского языка также доминирующую роль играет личное имя, которое, однако, реализуется в принципиально открытом множестве уменьшительно-ласкательных, уменьшительно-пренебрежительных и (реже) «увеличительных» вариантов имен. Это связано с продуктивной в русском языке категорией субъективной оценки и представляет собой яркую черту алломорфизма по отношению к английскому и узбекскому языкам.

10. Антропонимия узбекского языка представляет собой сложную структуру, в которой оставили отпечаток основные культурно-исторические периоды развития тюрков. Современная узбекская антропонимия, представляющая собой синтез тюрко-узбекской, восточной, русской и европейской лингвокультурных традиций, трансформируясь, развивается под их влиянием.

11. Восточная традиция начала проникать в тюрко-узбекское общество вместе с принятием ислама. Распространение мусульманских имен в антропонимическом пространстве шло в несколько этапов, что говорит о постепенном укоренении восточной традиции.

12. Структура социального поля администрации в трех языках в определенной мере симметрична структуре социального поля семьи по линиям «отношение между членами одного поколения» – «отношения сослуживцев одного ранга», «отношения старшего поколения к младшему» – «отношения начальства и подчиненных» и т.д., однако в каждом языке проявляется специфика этой аналогии в связи с особенностями культуры данного общества.

13. В русском языке основным компонентом номинации лиц, обладающим наибольшей номинативной ценностью, является **ИМЯ + отчество**, как наиболее устойчивый, сквозной компонент трехчленной антропонимической формулы. В английском языке такой компонент в принципе отсутствует, а в узбекском языке употребляется преимущественно в сугубо официальных ситуациях общения либо для дифференциации соименников.

14. Отчество как компонент антропонимической формулы было фактически навязанным узбекам вместе с бывшим советским строем, но не заняло того места, которое органически определено в русском языке для него. В настоящее время оно сохранилось в антропонимической формуле узбеков по необходимости, но наблюдается и тенденция отказа от именованья по отчеству в ряде ситуаций, а также употребление антропонимических формул совершенно нового типа. Фамилия, без сигналов антропонимов, употребляется в основном в социальном поле администрации русского языка (реже – в узбекском языке).

Таким образом, компоненты антропонимических формул трех сопоставляемых языков обладают разной номинативной ценностью в пределах социального поля семьи и административного социального поля, в

чем отражаются существенные различия языковых картин мира и структуры социумов трех народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. – Ташкент: Узбекистан, 2000. – 525 с.
2. Абдиев Э. Ўзбек халқ антропонимларнинг лексик-семантик хусусиятлари // Ономастика Узбекистана. Тез. докл. Респ. II научно-практ. конф. – Қарши, 1989. – 106-107 б.
3. Абдуазизов А.А. Фонологическая структура иноязычных антропонимов в современном узбекском языке // Тилнинг аксиологик механизмлари ва матн эмоционаллиги. Проф. Болотов В.И. таваллудининг 70-йиллигига бағишланган Республика илмий конференциясининг маърузлар баёни. – Тошкент: МДУ, 2001. – С. 7-8.
4. Абдуазизов А.А. и др. Общее языкознание. Учебник для филологических факультетов. – Ташкент: НУУз, 2003. – 162 с.
5. Абдуазизов А.А. Тилшунос лик назариясига кириш. – Тошкент: Шарқ, 2010. – 175 б.
6. Абдуразаков М.А. Очерки по сопоставительному изучению разносистемных языков. – Ташкент: Фан, 1973. – 167 с.
7. Абдурахманова А.К. Способы номинации лиц как отражение языковой картины мира в узбекском и русском языках.: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Ташкент, 2007. – 24 с.
8. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение, 1979. – 260 с.
9. Аракин В.Д. История английского языка. – М.: Иностранная литература, 2001. – 296 с.
10. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения // Ономастика. – Т. I. – М.: Наука, 1969. – С. 5-26.
11. Бегматов Э. А. Ўзбек исмлари маъноси (изохли луғат). 14 600 исмлар изохи. 2-нашри. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси

(луғат), 2007. – 608 с.

12. Бегматов Э., Жумаев А., Сатторов Ф. Ўзбек ономастик терминологияси ва уни нормалаш проблемалар // Ўзбек тили терминологияси ва унинг тараққиёт перспективалари.–Тошкент: Фан, 1986. – б. 8-11.

13. Болотов В.И. Имя собственное. Имя нарицательное. Эмоциональность текста. Лингвистические и методические заметки. – Ташкент: ФАН, 2001. –360 с.

14. Болотов В.И. Теория имен собственных. –Т.: НУУз, 2003. – 98 с.

15. Бондалетов В.Г. Динамика личных имен в XX в. // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М.:Наука, 1970. – С. 91-105.

16. Бондалетов В.Г. Русская ономастика. – М.: Наука. 1985. – 186 с.

17. Буранов Ж. Сравнительная типология английского и тюркского языков.– М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.

18. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

19. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

20. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Автореф. дисс. . д-ра. культурол. наук. – М., 1996. – 395 с.

21. Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук.– Казань, 2007. –55 с.

22. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. –М.: Восточная литература, Наука, 1981. – 221 с.

23. Гоббс Т. Учение о теле // Избр. соч. Часть I. – JL: Изд-во Лен. ун-та, 1926. – 41с.

24. Горошко Е.И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады Второй Международной конференции. – М., 2002. – С. 77-86.
25. Гулямов А.Г. О некоторых особенностях аффиксов с уменьшительно-ласкательным значением в узбекском языке. – Языкознание и литературоведение // Сб. научн. тр. ТашГУ. - Вып. 268. – Ташкент: ТашГУ, 1964. – С.15-22.
26. Доспанова Д. У. Специфика системы и функционирования антропонимов в узбекском и каракалпакском языках // Молодой ученый. – 2015. – №2. – С. 582-585.
27. Джурабаева М.А. О способах выражения уменьшительности-ласкательности в узбекском // Сб. научн. тр. аспирантов ТашГУ. - Вып. 319. – Ташкент: ТашГУ, 1968 – С. 38-40.
28. Джусупов М. Евразийское полилингвальное пространство: тюркизмы в русском языке (имена, фамилия, географические наименования) // Хорижий филология. – № 3, Самарканд, 2011. – С. 58-65.
29. Дьяченко В.В. Субстандартные антропонимы в английском и русском языках контрастивно-социолексикологический аспект.: Автореф. канд. дис. ... филол. наук.– Пятигорск, 2007. – 20 с.
30. Егорова Т.П. Англо-скандинавские ономастические параллели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. - 18 с.
31. Егорова Т.П. Семиотическая функция имени // Ономастика. Материалы к серии Народы мира и культура. – Вып. XXV.- Ч. I. –М.: РАН, 1993. – С. 21-28.
32. Живоглядов А.А. Семантико-стилистический потенциал английской ономастики: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1987. – 15 с.
33. Зайцева К.Б. Англичане // Системы личных имен у народов мира. – М.: Наука, 1989. –С. 37-42.

34. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию. – Ташкент: ТашГУ, 1972. – 278 с.
35. Исаев А.И. К изучению узбекской антропоники // Вопросы ономастики. – Вып. III.– Самарканд: СамГУ, 1976. –С. 94-99.
36. Искандарова Ш.М. Ўзбек тили лексикасини мазмуний майдон сифатида ўрганиш (шахс микро майдони): Филол. фанлари. докт. ... автореф. – Тошкент, 1999. – 49 б.
37. Каверина О.Г. Адаптация английской ономастической лексики в русском языке первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Донецк, 1991. – 21 с.
38. Касевич В.Б. Морфонология. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 160 с.
39. Кенжаева С.Э. Ўзбек антропонимларининг семантик ва социолингвистик тадқиқи: Филол. фан. номз. ... автореф. – Тошкент, 2005. – 26 б.
40. Комова Т.А., Гарагуля С.И. Имя личное в истории и культуре Великобритании и США. – Белгород: БПИ,1998. – 140 с.
41. Копытко В.А. Типология номинации (на примере одного класса антропонимов): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Минск, 1990.–18 с.
42. Леонович О.А. В мире английских имен. – М.: Астрель, 2002.– 160.
43. Мирзоева Д.Д. Лингвистические исследования таджикских и русских антропонимов в сравнительно-сопоставительном аспекте: На основе словарей и справочников: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2002. – 22 с.
44. Мочалкина К.С. Псевдонимы в системе современной русской антропоники: Автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Волгоград, 2004. –17 с.
45. Муратова Г.М. Имена женщин в узбекском языке // Ономастика Узбекистана. – Сб. тез. II респ. научно-практ. конф. – Карши, 1989. – С.134-135.

46. Никонов В.А. Современный именник узбеков // Вопросы ономастики. – № 214. – Самарканд СамГУ, 1971. – С. 3-14.
47. Никонов В. А. Имя и общество. – М.: Наука. 1974. – 278 с.
48. Никонов В.А. Среднеазиатские материалы для словаря личных имен // Ономастика Средней Азии – М.: Наука, 1978. – С. 153-161.
49. Никонов В.А. Формы среднеазиатских фамилий // Ономастика Средней Азии. – Ч. 2.– Фрунзе: Илим, 1980. – С. 120-127.
50. Никонов В.А. Русские // Системы личных имен у народов мира. – М.: Наука, 1989. – С. 262-269.
51. Никонов В.А. Узбеки // Системы личных имен у народов мира. – М.: Наука, 1989.– С.312-315.
52. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа. 1982. – 272 с.
53. Нуритдинова Р.С. Ўзбек ономастикаси терминларининг лисоний таҳлили: Филол. фан. номз. ... автореферати. – Ташкент, 2005. – 26 б.
54. Пашкевич А.А. Прозвища и клички в системе номинативных средств английского языка.: Автореф. дис. ... канд.филол. наук. – Санкт-Петербург, 2006.– 20 с.
55. Платон Кратил или о правильности имен // Сочинения. – Том I. – М.: Мысль, 1968. – С. 413-491.
56. Расулова М.И. Способы выражения категории уменьшительности в узбекском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Ташкент: ТашГУ, 1981. – 26 с.
57. Расулова М.И. Проблемы лексической категоризации в лингвистике: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Ташкент, 1999. – 40 с .
58. Рахимов Р.Р. Две заметки по антропонимии Зеравшанской долины // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С.183-191.
59. Рахимов С.М. Хоразм минтақавий антропонимияси: Филол. фан. номз. ... автореф. – Ташкент, 2005. – 25 б.

60. Рахматуллаев Ш. Ўзбек ва рус тилларини қиёслаш. – Тошкент: Ўзбекистон, 1993. – 108 б.
61. Раянди Э. Имя и право // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропониимики / Отв. ред. Никонов В.А. М., 1970 – С. 69-65.
62. Самигов Х.Б. Инглиз ва ўзбек тилларида эркалаш функционал-семантик майдони: Филол. фан. номз. ... автореферати. – Ташкент, 2010.– 24 б.
63. Скрозникова В.Н. Американцы // Системы личных имен у народов мира. – М.: Наука, 1989. – С.27-36.
64. Суперанская А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. – М.: Наука, 1969. – 359 с.
65. Суперанская А.В. Личные имя в официальном и неофициальном употреблении // Антропониимика. – М.: Наука, 1970. – С. 180-188.
66. Суперанская А.В. Аппеллятив-онома // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
67. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
68. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
69. Суперанская А.В. Имя – через века и страны. – М.: Наука, 1990.– 158 с.
70. Суперанская А.В. К вопросу о практической транскрипции собственных имен стран английского языка // Топономастика и транскрипция. – М.: Наука, 1964. С. 163-171.
71. Суперанская А.В., Салтмане В.Э., Подольская Н.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 364 с.
72. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения: на материале американизмов английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1984. – 32 с.

73. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древногерманское двучленные имена собственные. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с.
74. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительност в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108-140.
75. Ухина Т.Ф. Национальная специфика именованний лиц (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж. 1991. – 17 с.
76. Хазиева Г.С. Историко-лингвистический анализ татарских мужских личных имен.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. –Казань, 2007.– С. 23.
77. Хриненко Ю.Н. Английские неофициальные имена (опыт исследования звукобуквенного состава): Автореф. дис. . канд. ... филол. наук. – Л., 1981.
78. Черноборов А.А. Лингвострановедческий анализ английских личных имен: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 19 с.
79. Юсупов У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. –М., 1988. – С. 93 – 98.
80. Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. –Ташкент: ФАН, 2007. – 125 с.
81. Bach A. Deutsche Namenkunda. Bd I Die deutsche personennamen. – Т. 1. – Heidelberg, 1979. – 175 p.
82. Gardiner A. The Theory of Proper Names. – London, 1940. – 217 p.
83. Akinasso F.N. Names and Naming principles in Cross-Cultural Perspectives! I Names (Journal of the American Name Society). Vol. 29. - 1, 1981.
84. Coats J. Women, men and language. A sociolinguistic account of sex differeces in language. – New York, 1986. – 389 p.

85. Comrie B., Fillmore C. J., Lass R., Lightfoot D. Typology and Universals. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 311 p.
86. Halliday A. K. Language as social semiotic. – London, New York, Melbourne, Auckland, 1994. – 240 p.
87. Hawkins J. A. Definiteness and Indefiniteness. – London: Groom Helm, 1978. – 39. p.
88. Heim I. The Semantics of Definite and Indefinite. N Ps.–New York: Garland Press, 1989. – 231 p.
89. Hewings Martin. Advanced Grammar in Use. – London: Cambridge University Press, 2003. – 340 p.
90. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen "Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft", Festschrift für W. Streitberg. – Heidelberg, 1924.– 188 s.
91. Lakoff, G. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 268 p.
92. Langacker R.W. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. – B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
93. Lees R. B. The Grammar of English Nominalizations. – Bloomington. Ind. Supplement to I FAL, 1960. – 260 p.
94. Lehrer A. Semantic Fields and Lexical Structure.–North Holland, 1974. – 140 p.
95. Lyons I. Semantics. – Cambridge University Press, 1979. – Vol. 2. – pp. 374-897.
96. Matthews P. H. Morphology. –London: Cambridge University Press. 1993. – 251 p.
97. Mill J.S. A System of Logic. -Vol. I. London, 1865. – 242 p.
98. Romaine S. Communicating Gender. Oxford University Press – Mahwah. London. 1999. – 397 p.
99. Porzig W. Das Wunder der Sprache (Problem, Methode und Erzeugnisse der modernen Sprachwissenschaft). – 2. Aufl. – Bern, 1957. – 214 s.

100. Trier J. Der deutsche Wortschatz in Sinnbezirk des Verstandes (Die Geschichte eines sprachliches Feldes) – Bd I. – Heidelberg, 1931.– 334 s.

128. 101. Trier J. Die Worte des Wissens. "Mitteilungen des Universitätsbundes".–Marburg, 1931. –141 s.

102. Weisgerber L. Grundzuge der inhaltberogenen Grammatik Von den Kraften der deutschen Sprache, I 3 Aufl. (bearb). – Düsseldorf, 1962.– 221 s.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

103. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Наука, 1969.– 780 с.

104. Бегматов Э.А. Ўзбек исмлари маъноси (изоҳли луғат). 14 600 исмлар изоҳи. 2-нашри. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси (луғат), 2007. – 608 с.

105. Бекмуродов Н. Чиройли исмлар тўплами. Т.: Янги аср авлоди. 2010. -376 б.

106. Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь. М., 1972. –1685 с.

107. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008 (электронное издание). – 694 с.

108. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 60000 слов и фразеологических выражений. 25-е изд., испр. и доп. – М.: «Оникс», 2007. – 1328 с.

109. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Русские словари, 1995. – 384 с.

110. Подольская Н.В. Словарь ономастической лексики. – М.: Русский язык, 1978. –400 с.

111. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. Наука, 1988.-192 с.

112. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

113. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. – М.,1973. – 408 с.
114. Словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т. I. – 296 с.; Т. II. – 736 с.; Т. III – 750 с.; Т. IV – 796 с.
115. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. – М.: Русский язык, 1985. – Т. I. – 450 с.; Т. II – 578 с.
116. Толковый словарь узбекского языка // Под. ред. Магруфова З.М. – Ташкент: Глав. ред. Узбекской энциклопедии, 1988. – 766 с.
117. Ҳожиёв А. Ўзбек тили синонимларининг изоҳли луғати. – Тошкент: Ўқитувчи, 1974. –290 б.
118. Узбекско-русский словарь / Под. ред. Ақобирова С.Ф., Михайлова Г.Н. – Ташкент: Глав. ред. Узбекской энциклопедии, 1988. – 726 с.
119. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 80000 дан ортиқ сўз ва сўз бирикмаси / Таҳрир хайъати: Э. Бегматов, А. Мадвалиев, Н. Махкамов... – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедия, 2006-2008.– 1 қисм – 608 б.; 2 қисм – 672 б.; 3 қисм – 688 б.; 4 қисм – 608 б.; 5 қисм – 592 с.
120. Andrea Levy. Fruit of the lemon. – London, 2000. –221 p.
121. Collins Cobuild. English Dictionary. Harpes Collins Publishers. – Cambridge, 1995. –1951 p.
122. Laird. Webster's New World Thesaurus. –New York: Garland Press, 1971. – 678 p.
123. Klein Shelley. The Concise Dictionary of Surnames. London. Michael O'Mara Books Limited. 2004. –179 p..
123. Reaney P.H. and Wilson R.M. Oxford Dictionary of English Surnames. Oxford University Press. 2005. –520 p.

Интернет-ресурсы

<http://articles.gourt.com/en/surname>

http://www.imena.org/fam_eng.html

<http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnye-i-strukturno-funktsionalnye-kharakteristiki-angliiskikh-prozvishch>

<http://www.dissercat.com/content/substandartnye-antroponimy-v-angliiskom-i-russkom-yazykakh-kontrastivno-sotsioleksikologiche>

http://genealogy.about.com/od/surname_meaning/a/english.htm

<http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan.htm>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

1. Andrea Levy. Fruit of the lemon.– London, 2000. –221 p.
2. Carol Shields. Larry. – London, 1997. – 339 p.
3. Cyril Hare. An English murder. London. 1949. –221 p.
4. Cronin A.J. The Citadel.–London: Longman, 1994. –131 p.
5. James Kenneth, Lloyd Mullen. Inspector Thakeray Investigates. – London: Longman, 1974. –99 p.
6. John Galsworthy. The Forsyte Saga. The Man of Property. – Moscow.: Progress Publishers, 1974. –383 p.
7. Maugham S.W. Christmas holiday. –London: Harmondsworth Pinguin book, 1977. –252 p.
8. Robert Louis Stevenson. The strange case of Dr Jekyll and Mr Hyde. M., 1987.– 580 p.
9. Бошбеков Ш. Эшик қоққан ким бўлди? – Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти, 1989. – 271 б.
10. Ёқубов О. Биллур қандиллар // Қайдасан Мориқо китобидан. – Тошкент: Шарқ, 2002. – 432 б.

11. Мухтор А. Опа сингиллар. Т: Ўзбекистон Давлат Нашриёти.1955. – 527 б.
12. Саид Аҳмад. Уфқ. – Тошкент:Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1975.– 688 б.
13. Усмонов Ў. Гирдоб. – Тошкент: Шарқ нашриёти матбаа концерни бош тахририяти, 2000. – 351 б.
14. Ҳошимов Ў. Умр савдоси. Сайланма II. Икки эшик ораси. –Тошкент: Шарқ нашриёти матбаа концерни, 1993. – 671 б.
15. Бунин И.А. Рассказы. М. Художественная литература, 1983. – 574 с.
16. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. – Ташкент: Изд-во художественной литературы им. Гафура Гуляма, 1982. – 302 с.
17. Лесков Н.С. Пугало // Н.С.Лесков. Собрание сочинений в 6-ти тт. – М., 1973. - Т. 3. –145 с..
18. Маканин В. Повести. - М.: Книжная палата. 1986. – 336 с.
19. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12-ти тт. – М.: Художественная литература, 1976. – 460 с..